

Оскорбление и клевета: взгляд эксперта

УДК 80/81
ББК 81.2-3
Ж 22

Издание осуществлено при поддержке Фонда Сорос-Казахстан

Рецензенты:

Г.Г. Гиздатов, доктор филологических наук, профессор
Е.В. Румянцева, кандидат филологических наук, доцент

Ответственный редактор:

Г.Х. Аженова – руководитель Общественного центра экспертиз
по информационным спорам при Международном фонде
защиты свободы слова «Әділ сөз»

Авторы разделов:

кандидат филологических наук, доцент **Р.Д. Карымсакова** — раздел 1
доктор филологических наук, профессор **Ли В.С., Карымсакова Р.Д.** – раздел 2

Ж 22 Оскорбление и клевета: взгляд эксперта. / Отв. ред. Г.Х.Аженова. –
Алматы: «Әділ сөз», – 2013. – 152 стр. – На казахском и русском языках.

ISBN 978-601-80030-7-3

В данном пособии впервые в Казахстане представлена методика проведения исследований по делам об оскорблении, клевете и защите чести, достоинства и деловой репутации. На казахском языке представлен научно-понятийный аппарат терминов и категорий, используемый при анализе текстов, ставших предметом информационного спора. В разделе 2 опубликованы научные статьи ученых-лингвистов, в которых исследуются отдельные аспекты юрислингвистики.

Издание адресовано ученым-лингвистам, судьям, следователям, прокурорам, адвокатам, юристам СМИ, журналистам, блогерам, студентам, магистрантам и преподавателям факультетов филологии, журналистики, юриспруденции.

УДК 80/81
ББК 81.2-3

ISBN 978-601-80030-7-3

© «Әділ сөз», 2013

ВВЕДЕНИЕ

Предисловие	4
Раздел 1. ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ	8
1. Распространение порочащих сведений	8
1.1. Понятия, предмет исследования, признаки, способы подачи информации	8
1.2. Различие в выражении мнения и сообщении сведений	12
1.3. Правовая регламентация оценочных суждений (мнений)	21
1.4. Разновидности мнения	27
1.5. Оценка	29
1.6. Типовые вопросы эксперту (специалисту) по делам о распространении порочащих сведений (ст. 143 ГК РК) и клевете (ст. 129 УК РК)	34
2. Клевета	34
3. Оскорбление	36
3.1. Речевая агрессия и оскорбление	36
3.2. Инвектива	37
3.3. Нормативная и ненормативная лексика	39
3.4. Неприличность формы выражения: общелингвистическое и юридическое понятие	41
3.5. Речевой акт оскорбления	45
3.6. Диагностические признаки оскорбления	49
3.7. Пределы компетенции лингвиста-эксперта по делам об оскорблении и типовые вопросы	64
Раздел 2. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И ПРАВА	66
Клевета как концепт и как категория юрислингвистики	66
Размышления по поводу реплики «казахпайский вариант»	72
Конфликтогенность национальных прозвищ	79

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время в казахстанских судах все чаще разбираются дела, где тексты на русском, казахском языках могут выступать в качестве источников доказательств, необходимых для раскрытия и расследования преступлений или разрешения гражданских споров.

Средства массовой информации, бывает, распространяют не соответствующую действительности информацию, порочащую честь и достоинство граждан. В других случаях журналистов обвиняют в подобных правонарушениях совершенно необоснованно. В делах о недобросовестной рекламе, конкуренции, патентных спорах тоже фиксируются нарушения, совершаемые вербальным способом. Практика показывает, что для установления многообразных фактов по таким делам необходимо применение специальных познаний в области филологической текстологии, прикладной лингвистики, прикладного речеведения и др. Специальные (экспертные) познания в области филологии необходимы, чтобы на основе этих критериев дать всесторонний и глубокий анализ текста, ставшего предметом спорных отношений.

Не всегда лингвист (специалист с базовым филологическим образованием) может квалифицированно и объективно провести исследование спорного текста, поскольку, помимо собственно научного опыта и научных знаний, ему необходимо разбираться в вопросах так называемой юридизации естественного языка, в проблемах специфики его функционирования в юридической сфере, а также в вопросах праворегулирования и правоприменения при проведении судебной лингвистической (филологической) экспертизы.

Лингвистическая экспертиза спорного текста до недавнего времени не была востребована юридической практикой, поэтому наблюдается недостаточное научно-методическое обеспечение экспертной деятельности.

Предлагаемая вниманию читателей книга не претендует на освещение всех аспектов лингвистического исследования спорного текста, но методологические основания юрлингвистического исследования, проблемы экспертной деятельности в ней отражены. Надеемся, что книга будет способствовать решению ряда проблем, с которыми сталкиваются специалисты-лингвисты в своей юридической практике, а также юристы, поскольку они нуждаются в некоторых познаниях в области юрлингвистики.

Книга может быть поучительна и для журналиста, поскольку именно его речевые произведения (письменные и устные) чаще всего и приводят к информационным спорам и создают конфликтную ситуацию, требующую разбирательства в суде.

Язык – самое опасное оружие: рана от меча
легче залечивается, чем от слова.
(Кальдерон де ла Барка Педро)

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.

(Вадим Шефнер «Слова»)

Вот уже два десятилетия бурных общественных процессов наблюдается рост числа различных конфликтных ситуаций, в которых инструментом и средством правонарушения является слово – звучащее, напечатанное или написанное, отображенное на любом носителе и распространяемое любым способом, включая массовую коммуникацию в Интернете. Распространение порочащих сведений, клевета, оскорбление, угроза, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды – вот неполный перечень правонарушений, совершаемых вербальным способом, т.е. словом.

Предметом вербального правонарушения является речевое высказывание, фраза, произнесенная или распространенная письменно во времени и пространстве. Отдельные слова и выражения не могут быть предметом вербальных правонарушений. Однако отдельные слова часто оспариваются в суде, но тогда они рассматриваются в составе определенного высказывания. Отдельное слово, взятое из словаря, не относится к действительности – это просто слово, единица языка. Только когда слово высказано во времени и пространстве, оно приобретает соотнесенность с кем-то или чем-то в действительности, т.е. в момент высказывания появляется объект правонарушения – конкретное лицо с опороченной репутацией или государство – его строй и безопасность. Поэтому высказывание необходимо рассматривать и оценивать в рамках микротекста (непосредственного фразового, абзацного окружения слова, словосочетания, конкретного предложения) и макроконтекста (ситуации порождения текста, в том числе и ситуации, вызывающей спорные высказывания).

Высказывание как единица речи и речевая деятельность человека в целом являются главным и универсальным видом взаимодействия между людьми в обществе. Свобода речевой деятельности человека (или иначе – свобода слова, свобода мнения) является одной из основных ценностей

современного демократического общества, без которой невозможна нормальная жизнедеятельность людей, общества в целом. Это право провозглашено во Всеобщей декларации прав человека (статьи 18, 19) и в Международном пакте о гражданских и политических правах (статьи 18, 19). Свобода слова позволяет выявлять и учитывать многообразие мнений и убеждений людей, начиная от индивида и небольшой социальной группы до мирового сообщества. Но это право не может быть безграничным. Цивилизация в интересах сохранения мира, безопасности, культуры выработала определенные ограничения в пользовании данным правом. Общие основания таких ограничений изложены в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, который предусматривает, что пользование этими правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Вот почему оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являются необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Конституция Республики Казахстан конкретизирует эти положения, гарантируя неприкосновенность достоинства человека (ст. 17), свободу слова и творчества (ст. 20), запрещая пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культа жестокости и насилия (ст. 20) и др.

Законодательно закрепленные рамки свободы слова проявляются прежде всего в «лингвистических» ограничениях, в регулировании использования естественного языка. В лингвистическом аспекте правовая регламентация распространяется на три составляющие высказывания: форму, содержание и прагматику. Чаще всего правовая ответственность наступает в связи с распространением неправомерной информации, то есть ключевым признаком правонарушения является *содержание* речи. Анализ содержания высказывания позволяет установить, идет ли речь о конкретном лице (т.е. может ли быть установлен потерпевший), что об этом лице сказано (является ли данная информация унижающей или порочащей). Жесткие требования к содержательной стороне высказывания предъявляются всеми статьями Гражданского и Уголовного кодексов, в которых предусмотрена ответственность за совершение вербальных правонарушений.

Анализ *формы* высказывания устанавливает, является ли она приличной или неприличной, имеет или не имеет эмоционально-стилистическую окраску (оскорбительную, унижительную). Неприличное характеризую-

щее высказывание или высказывание с оскорбительной эмоциональной окраской в адрес кого-либо может стать поводом к возбуждению уголовного дела по ст. 130 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК) «Оскорбление». Кроме того, высказывание может иметь форму утверждения или выражать предположение, представлять собой мнение или сообщать о фактах. Этот аспект формы значим для квалификации деяния по ст. 143 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК) «Защита чести, достоинства и деловой репутации», ст. 129 УК РК – «Клевета».

На форму высказывания во многом ориентированы и жанровые характеристики спорного текста. Жанр призыва и пропаганды особо представлен в уголовном законодательстве – в той его части, где предусматривается ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды (ст.ст. 164, 170 УК РК). Свои формально-содержательные признаки имеет жанр угрозы (ст. 112, ст. 341 УК РК).

Наконец, *прагматика* высказывания — это внетекстовый компонент: позиция автора высказывания, его коммуникативные цели и задачи, предполагаемая реакция слушателя (читателя). Прагматика высказывания говорит о субъективной стороне правонарушения и помогает выяснить, содержатся ли в самом высказывании, его форме и содержании признаки того, что автор осознавал суть совершаемого действия, желал ли автор последствий, которые наступили (или могли наступить). Прямым умыслом выражается субъективная сторона таких преступлений, как клевета (ст. 129 УК РК), в том числе клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя (ст. 343 УК РК); неуважение к суду (ст. 342 УК РК); оскорбление представителя власти (ст. 320 УК РК), призывы к экстремистской деятельности (ст. 170 УК РК), возбуждение вражды (ст. 164 УК РК). Состав такого рода преступлений является полным в том случае, если будет доказано, что субъект неправомерного коммуникативного акта реализовал определенную речевую стратегию, то есть совершение наказуемого деяния являлось осознанной коммуникативной задачей говорящего.

Цель настоящей книги заключается в том, чтобы познакомить читателей – практикующих экспертов, специалистов, а также юристов (судей, следователей, адвокатов, юрисконсультов) – с некоторыми теоретическими и методологическими основаниями экспертной деятельности лингвистов, с понятийными категориями, с инструментарием экспертной деятельности, с конкретными примерами из практики

Часть 1. ВЕРБАЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

1. Распространение порочащих сведений

1.1. Понятия, предмет исследования, признаки, способы подачи информации

Человек считает, что про него распространили негативные, порочащие его сведения, и обращается в суд с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Речевое правонарушение, заключающееся в умалении чести, достоинства и деловой репутации гражданина или юридического лица, трактуется в статье 143 ГК РК (Защита чести, достоинства и деловой репутации). Сегодня наиболее популярным способом призвать к ответу за это деяние является судебный иск о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Правовые дефиниции понятий *честь, достоинство, деловая репутация* лица, *порочащие сведения* приведены в Нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан от 18.12.1992 № 6 «О применении в судебной практике законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц». Так, содержание словосочетания *порочащие сведения*, используемого в качестве юридического понятия, раскрывается в нем в следующей формулировке: «Порочащими являются не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, моральных принципов общества (например, сведения о совершении нечестного поступка, недостойном поведении в трудовом коллективе, в семье, сведения, опорочивающие производственно-хозяйственную деятельность, репутацию и т. д.). В то же время не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую действительности критику недостатков в работе, в общественном месте, коллективе, быту».

В приведенной дефиниции названы два отличительных признака порочащих сведений. Во-первых, это сведения, *не соответствующие действительности*. Это верификационный параметр, он устанавливает возможность высказывания быть проверенным на предмет соответствия действительности и является критерием порочащих сведений, вытекающим из их дефиниции. Под *сведениями* в смысле данного Постановления необходимо понимать утверждения о фактах, которые могут быть уста-

новлены или не установлены прямым сопоставлением с действительностью. Факт – это истинное событие, действительное происшествие или явление, существовавшее или существующее в реальности. Факты должны иметь материальные свидетельства своего бытия и проверяемые результаты своего существования. На фактологическую природу порочащих сведений указывают значения слов **поступок** («совершенное действие»), **поведение** («образ жизни и действий»), **деятельность** («занятие, труд»), употребленных в конкретизирующей части определения. Во-вторых, это сведения о совершении лицом какого-либо противоправного или аморального поступка.

В соответствии с п. 1 ст.143 ГК РК гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, если распространитель таких сведений не докажет, что они соответствуют действительности. Для того чтобы автор публикации или публичного высказывания был привлечен к ответственности по п. 1. ст.143 ГК РК, а также по ст. 129 УК РК, необходимо наличие в совокупности следующих условий:

- 1) оспариваемая информация распространена;
- 2) она является сообщением сведений (т.е. утверждений о фактах), а не выражением мнения автора;
- 3) данные сведения не соответствуют действительности; информация носит порочащий характер, который заключается в утверждениях о нарушении гражданином или юридическим лицом законов, моральных принципов общества, принципов деловой этики.

В рамках данных категорий дел предметом исследования эксперта-лингвиста (или специалиста) является речевое поведение автора спорного текста. В **компетенцию лингвиста** входит установление следующих фактов:

- 1) содержание конкретного спорного высказывания либо конкретной спорной единицы высказывания (текста);
- 2) наличие / отсутствие негативной информации о конкретном лице / субъекте делового оборота;
- 3) отношение (относится или нет?) негативной информации к конкретному лицу;
- 4) способ выражения информации: оценочное суждение (мнение, убеждение) / утверждение о фактах;
- 5) проверяемость / непроверяемость конкретного спорного высказывания на предмет его соответствия действительности.

С точки зрения способов подачи в тексте информация может содержаться в спорном высказывании в *эксплицитном* (в явном, словесно вы-

раженном) и *имплицитном* (скрыто, неявно выраженном) виде. Предметом судебной защиты может быть как эксплицитное, так и имплицитное утверждение (сведения). Имплицитная информация при этом может быть обязательной и факультативной, вербализуемой и невербализуемой. Если содержание *обязательной* информации без труда устанавливается из поверхностной формы высказывания, то *факультативная* информация может восстанавливаться адресатом, а может оставаться нераскрытой (или понятой неправильно). Под *вербализацией* скрытого содержания имеется в виду возможность достаточно правдоподобного и однозначного воспроизведения этого содержания. При невербализуемой информации в имплицитной части высказывания негативный компонент содержания присутствует, но точно вербализовать и выразить его суть бывает невозможно¹.

Рассмотрим несколько высказываний, негативная информация в которых выражена имплицитно.

1) *Петров вышел сухим из воды.* – При помощи фразеологизма выражено негативное утверждение во фразе, которая однозначно понимается как ‘Петров избежал заслуженного наказания за какой-то проступок’ (суть проступка обычно устанавливается из контекста). Информация фразы обязательная и вербализуемая.

2) *Чем ходить по судам и писать кляззы, лучше бы занималась своей горбатой дочерью.* – Негативная информация выражена в форме неявного утверждения, которое содержится в пресуппозиции ‘она не занималась и не занимается своей горбатой дочерью’. **Пресуппозиция** – это компонент содержания высказывания, который словесно не выражен, но который предполагается известным адресату (достоверность или недостоверность этого неявного утверждения о предосудительном поведении матери может быть установлена путем соотнесения с действительностью). Информация фразы обязательная и вербализуемая.

3) *«Каспаров покусал полицейского. Попрошу главу МВД сделать пострадавшему прививку от бешенства»,* – цитирует «Росбалт» запись Рогозина в микроблоге. – Просьба Рогозина допускает неоднозначную интерпретацию: это забота об укушенном полицейском или намек, направленный на выражение отрицательной характеристики Каспарова: ‘Каспаров бешеный’. Информация фразы факультативная и вербализуемая.

4) *Она [директор детского сада] говорит: «Давайте не так решать этот вопрос». Я говорю: «А как по-другому?!» Я поняла, о чем речь шла – речь шла о деньгах. Все друзья, все вокруг, кто сюда детей устраивал,*

¹ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – М.: Флинта, 2007.

кто по каким средствам: кто 30 тысяч дал, кто купил в группу – или ей лично – радиотелефон, кто-то еще что-то там. Они меня заранее предупредили: к ней просто так не попадешь, то есть готовь хорошие деньги (приведенные высказывания являются фрагментом новостного телесюжета).

Первая фраза содержит следующие пресуппозиции: 1) у говорящей есть какой-то конкретный вопрос, проблема (из контекста ясно, что это устройство ребенка в детский сад); 2) этот вопрос не решен; 3) о пути (или о путях) решения вопроса говорили ранее (решали *так*). По коммуникативному намерению субъекта спорной фразы: «*Давайте не так решать этот вопрос*» эта фраза представляет собой речевой акт побуждения, т.е. директор детского сада побуждает избрать иной способ действия.

Содержание конфликтной части предложения (1) выражено имплицитно, оно не позволяет однозначно реконструировать содержание побуждения. Неоднозначность понимания обусловлена категориальным значением местоименного наречия *так* с отрицанием, которое, как и местоимения, **не называет признаков, а только указывает на них**. Именно этим объясняется запрос информации в форме риторического вопроса в предложении (2): *А как по-другому?* Количество и содержание интерпретаций этого **не так решать** может быть самым различным (например, от предложения помочь садику в ремонте и принести две банки краски до покраски забора родителями в свободное от работы время). В предложении (3) дается одна такая интерпретация смысла предложения (1) персонажем телесюжета: *Я поняла, о чем речь шла – речь шла о деньгах*, которая в совокупности со спорной фразой (1) послужила основанием вчиненного этому персонажу иска. Форма глагола *понять* используется здесь в значении ‘уяснить значение чего-нибудь, смысл чьих-н. слов, поступков’. Смысл фразы (3): ‘А. Таубаева интерпретировала фразу (1) как побуждение дать ей (директору) деньги в обмен на устройство ребенка в детский сад’. Содержание предложения (3) представляет собой **понимание** А. Таубаевой смысла сделанного ей предложения; это ее умозаключение, вывод. Причина, обоснование этого умозаключения указывается в предложениях (4), (5), где изложены ее знания о действиях определенных и неопределенных лиц: (4) *Все друзья, все вокруг, кто сюда детей устраивал, кто по каким средствам: кто 30 тысяч дал, кто купил в группу – или ей лично – радиотелефон, кто-то еще что-то там*. Субъекты действий – друзья, все вокруг (*знакомые?* – Р.К.), кто устраивал детей в данный детсад. Действия этих субъектов – *30 тысяч дал, купил в группу – или ей лично – радиотелефон, еще что-то там*. Таким образом, лингвистический анализ спорного фрагмента приводит к выводу о том, что имплицитно выраженное содержание спорного

высказывания не позволяет однозначно понимать его смысл. Предложение (2) – *Я поняла, о чем речь шла – речь шла о деньгах* представляет собой один из вариантов интерпретации. По сути, это предложение содержит выражение мнения (ср.: *Я поняла, о чем речь шла. Считаю, что речь шла о деньгах*). Информация фразы факультативная и вербализуемая.

Правоприменительную перспективу имплицитные сведения могут иметь при двух условиях: 1) выводимая из высказывания имплицитная информация о фактах является обязательной (облигаторной); 2) выводимая из высказывания имплицитная информация о фактах и событиях является вербализуемой.

1.2. Различие в выражении мнения и сообщении сведений

В связи с делами о защите чести, достоинства и деловой репутации дискуссионным является вопрос о различии сведения и мнения.

Прежде всего приведем понятие мнения. Мнение – это «суждение, выражающее *оценку* чего-н., *отношение* к кому-чему-н., *взгляд* на что-н.» (выделено нами. – Р.К.). Мнение предполагает одновременное существование разных точек зрения на что-либо, при отсутствии ясных оснований (аргументов) не позволяющее однозначно судить об объекте.

Слово **сведения** используется в широком и узком смысле. Широкий смысл слова подразумевает его использование во всех значениях, приведенных в толковых словарях современного русского языка, к примеру, в словарях С.И.Ожегова и Н.Ю. Шведовой, С.А. Кузнецова и Т.А. Ефремовой:

- Сведения** – 1. Познания в какой-н. области
2. Известие, сообщение.
3. В нек-рых сочетаниях: знание, представление о чем-н. Принять к сведению. Довести до чьего-н. сведения. К вашему сведению.

- Сведения** – 1. Известия, сообщение о чем-л.
2. Познания в какой-л. области.
3. Осведомленность в чем-л., знакомство с чем-л. (1, с. 1154)

- Сведения** – 1. Известия, сообщения о чем-л.
2. Факты, данные, характеризующие кого-л., что-л.
3. Познания в какой-л. области, осведомленность в чем-л.
4. Отчет с цифровыми данными.

В теории и практике судебной лингвистической экспертизы слово **сведения** используется в узком смысле как утверждения о фактах.

В судебно-экспертной практике сформировались четыре параметра, разграничивающих выражение мнения и сообщение сведений: лексико-грамматический, стилистический, прагматический и верификационный.

Суть **лексико-грамматического** параметра сводится к поиску в спорной фразе специальных слов-маркеров (слов-показателей), которые однозначно указывают на коммуникативную функцию фразы или ее фрагмента. (Под коммуникативной функцией понимается назначение фразы в событии общения – выразить мнение автора или сообщить собеседнику сведения). В таких высказываниях передаваемая информация является результатом психокогнитивных операций автора (предположений, прогнозов, умозаключений, суждений, выводов). Если в тексте именуются слова и выражения «я считаю», «думаю», «полагаю», «по моему мнению», «думается» и подобные, то фрагменты текста, к которым относятся данные слова, признаются выражением мнения (Например: *Верховный комиссар ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй дала одностороннюю оценку событий в Жанаозене, считает официальный представитель МИД Казахстана Алтай Абибуллаев, передает КазТАГ; Думаю, что Рыскалиева уже нет в стране*). Конструкции со словами «наверное», «мне кажется», «могу предположить», «я предполагаю» и подобные расцениваются как предположения и приравниваются к выражению мнения.

Лексико-грамматический способ – самый простой и действенный, однако он может таить в себе подвох. Например, в газете опубликовано: «Я думаю, что угнанный им из соседней области табун лошадей он пустил под нож». Если бы данная фраза фигурировала в деле о защите чести и достоинства или клевете, то ответчик настаивал бы на том, что данное высказывание является выражением его собственного мнения, и ссылался бы на вводное предложение «я думаю». Однако судебная лингвистическая экспертиза признает правоту ответчика лишь частично. Дело в том, что в предложении фактически сообщено о двух событиях: (1) «он угнал из соседней области табун лошадей» и (2) «он зарезал этих лошадей на мясо. Первое утверждение выражено имплицитно (неявно, скрыто, в составе подлежащего). Оба эти сообщения (при условии несоответствия действительности) являются порочащими, поскольку приписывают совершителю преступные деяния. Вводный элемент «я думаю» относится только к сказуемому рассматриваемого предложения, выраженному просторечным фразеологизмом «пустить под нож» в значении ‘резать птицу, скотину’². Таким образом, предположение строится только относительно второго по-

² Большой словарь русских поговорок. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

ступка – того, что он сделал с угнанными лошадыми. Факт угона лошадей заявлен во фразе как давно известный и сомнению автором не подвергается. Следовательно, первая часть информации («он угнал из соседней области табун лошадей») квалифицируется как сообщение сведений; вторая часть («он пустил под нож») – как выражение мнения.

Аналогичная исследовательская процедура выполняется относительно вопросительных предложений. Если конфликтный компонент высказывания входит в рематическую часть вопросительного предложения, то он выражен как предположение: *Вы куда угнали табун – в соседнюю область?* Если же конфликтный компонент высказывания входит в тематическую часть³ вопросительного предложения, то он выражен как сведения: *Угнанный табун братья держали на пастбище у своего родственника* (ср.: братья угнали табун).

Лексико-грамматическим параметром также охватываются случаи использования в спорном высказывании указателей на *бессубъектное предположение*: «вероятно, что X» (*Вероятно, рабочим не выплатят зарплату*); «высока вероятность, что X» (*Высока вероятность того, что банк откажется выдать деньги*); «прогноз таков, что X» (*Прогноз развития предприятия отрицателен*). Такого рода высказывания описывают возможное положение вещей и содержат информацию о чем-либо предположении. Предположение не может существовать объективно, отдельно от субъекта мысли и оценок. Однако на вербальном уровне авторство данной гипотезы остается невыраженным, и с лингвистической точки зрения субъективность передаваемой информации выражается бессубъектно⁴.

В практике судебного разбирательства по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц очень часто предметом иска выступает вербально не оформленное мнение. В таких случаях фраза не содержит никаких внешних показателей выражения мнения, предположения (слов-маркеров). Вместе с тем высказывание, как правило, изобилует субъективной экспрессией, т.е. является эмоциональным, оценочным. **Стилистический параметр** используется в случаях, когда в спорном высказывании использованы различные метафоры, ирония, риторические приемы и другие изобразительно-выра-

³ Предложение может делиться по смыслу на две части – тему и рему. Тема обозначает предмет речи (что-то, что уже известно, что названо говорящим); рема обозначает признаки предмета речи. Тема обычно помещается в начальной части предложения, рема – в конце предложения.

⁴ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 32.

зительные средства языка, выражающие авторскую оценку предмета речи. В этом случае эксперт-лингвист производит анализ спорного высказывания с целью разграничения сведения и оценок, синтезированных в ходе использования риторических приемов. Учитывая возможность сочетания мнения и сведений в одном высказывании, эксперт устанавливает, какая часть его семантики является мнением, какая – сведениями о фактах, выясняет их долевое соотношение.

Наиболее спорным и сложным в реализации является **прагматический** параметр, суть которого заключается в учете интенций (т.е. намерений) и компетенций адресата и адресанта. Ситуация использования этого параметра для разделения сведений и мнений та же, что и для стилистического параметра: в спорном высказывании использованы риторические приемы, изобразительные средства, выражающие авторскую оценку предмета речи при отсутствии лексически выраженных маркеров субъективности⁵.

Верификационный параметр не является в строгом смысле лингвистическим, и существуют теоретические возражения относительно введения верифицируемости высказывания в круг предметов исследования эксперта-лингвиста⁶.

Актуальность верификационного параметра обусловлена дефиницией порочащих сведений, изложенной в упомянутом выше Постановлении Верховного суда РК. Как видно из определения порочащих сведений, способность информации быть проверенной на предмет соответствия / несоответствия действительности определяется как отличительный признак сведений о фактах и событиях, но не мнений и оценок. Проверимость на предмет соответствия действительности как свойство содержания высказываний характеризуется *возможностью извлечь из высказывания такое количество информации, которое позволит смоделировать событие или факт, обладающие измеряемыми и идентифицируемыми атрибутами*. К измеряемым атрибутам могут относиться количества, размеры, степень, скорость, длительность и т.п. К идентифицируемым атрибутам (то есть выделяемым из круга однотипных и индивидуализируемым) – конкретные лица, предметы, признаки, процессы, состояния, временная и пространственная локализация⁷.

⁵ Михаил Осадчий. Правовой самоконтроль оратора. М.: Издательство: Альпина Паблишер, 2007.

⁶ Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 11-12.

⁷ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 43.

Для уяснения особенностей использования верификационного параметра приведем с незначительными сокращениями подборку примеров (кейсов) М.А. Осадчего с их комментариями.

«Кейсы группы А посвящены проблеме дифференциации сведений (о фактах и событиях) и мнений (оценок):

Кейсы группы А (сведения vs. мнения)

Кейс А1: В газете опубликовано: «Иванов угнал автомобиль». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд удовлетворил искимые требования, установив, что распространенная информация является не соответствующими действительности сведениями порочащего характера.

Кейс А2: В газете опубликовано: «Мне кажется, Иванов угнал автомобиль». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд в удовлетворении искимых требований отказал.

Кейс А3: В газете опубликовано: «Все говорят, что Иванов угнал автомобиль». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд в удовлетворении искимых требований отказал.

Кейс А4: В газете опубликовано: «Даже школьник в нашем районе скажет вам, что Иванов занимается угоном автомобилей». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд в удовлетворении искимых требований отказал.

Кейс А5: В газете опубликовано: «Фирма Иванова не рассчиталась по огромному количеству кредитов». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд в удовлетворении искимых требований отказал.

Кейс А6: В газете опубликовано: «Фирма Иванова в числе прочих фирм не рассчиталась по 20 кредитам». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд удовлетворил искимые требования, установив, что распространенная информация является не соответствующими действительности сведениями порочащего характера.

Кейс А1 представляет собой классический случай высказывания, содержащего информацию о событии, которое может быть проверено на предмет соответствия действительности, поскольку из высказывания аналитическим путем извлекается информация о событии, характеризующемся рядом атрибутов: исполнителем, действием, которое им совершено, и объектом действия. Косвенно событие атрибутировано по времени – ранее момента речи. Каждый из названных атрибутов является измеряемым и идентифицируемым.

Кейс А2 в своей основе имеет высказывание, формально выстроенное как утверждение о факте, о положении вещей. Однако важно учесть, что в высказывании описывается ментальная действительность, состояние мысли говорящего относительно предмета речи. Иными словами, говоря

«Я уверен, что X», я сообщаю о факте своей ментальной жизни. Однако для правоприменителя данный факт не характеризуется наличием достаточного количества измеряемых и идентифицируемых атрибутов. Строго говоря, данный факт характеризуется лишь одним проверяемым атрибутом – идентифицируемым субъектом действия. При данном единственном атрибуте референция в область объективной действительности не выполняется. (Под референцией здесь понимается обозначение словом, предложением реально существующего или вымышленного предмета, объекта, явления и т.п. – Р.К.).

Кейс А3: В основании кейса находится высказывание, близкое по структуре высказыванию Кейса А2. Отличие в том, что высказывание типа ‘Все говорят, что X’ содержит информацию не о факте ментальности, а о факте объективной действительности. С формально-логической точки зрения высказывание «*Все говорят, что Иванов угнал автомобиль*» содержит сведения о совокупности событий: все, то есть каждый, говорят, что Иванов украл автомобиль. Из информации выводится информация о событии, имеющем следующие измеряемые и идентифицируемые атрибуты: субъект действия – все, то есть каждый; действие – высказывание ‘Иванов угнал автомобиль’; косвенная локализация во времени – до момента речи. Однако в практике правоприменения (например, следствия или судебного разбирательства) проверка данного факта на предмет соответствия действительности невозможна в силу недостижимости количественного предела при проверке субъектного атрибута: невозможно проверить *всех*. Таким образом, формально-логическая квалификация содержания высказывания как сообщения о факте вступает в противоречие с правоприменительной практикой.

Кейс А4 имеет в своем основании высказывание, с формально-логической точки зрения содержащее информацию о будущем событии, которое в практике без затруднений может быть проверено на предмет соответствия действительности: достаточно обратиться к любому школьнику, живущему в указанном районе. Однако в практике правоприменения такого рода случаи, как правило, не становятся основанием для признания высказывания порочащим. Логика правоприменителя такова: правонарушение совершается в определенный момент времени, в данном случае – в момент выхода тиража газеты, содержащей конфликтный текст. Реконструкция события правонарушения осуществляется с использованием данных, относящихся именно к моменту совершения правонарушения. На момент создания и опубликования текста высказывание формулировалось как сообщение о событии, которое состоится в будущем. Следовательно, на момент правонарушения высказывание содержало сообщение о событии,

которое еще не имело места и не могло быть верифицировано на момент речи, то есть являлось предположением о возможных событиях.

Высказывание, лежащее в основании *Кейса А5*, содержит нечеткий определитель – *огромное количество*. Из высказывания выводится информация о следующем факте, характеризующем идентифицируемыми и измеряемыми атрибутами: субъект действия – фирма Иванова; процесс – отсутствие действий, направленных на окончательный расчет по долгам, то есть доведения задолженностей до показателя 0. Этих атрибутов достаточно для процедуры частичной верификации факта, о котором сообщено в конфликтном высказывании. Однако экстралингвистическая пресуппозиция заставляет эксперта делать акцент на третьем атрибуте – *огромное количество долгов*: целью экспертного анализа и судебного разбирательства в целом является проверка конфликтного высказывания на предмет наличия сведений о фактах и событиях порочащего характера, что соответствует диспозиции статьи 152 ГК РФ (*в ГК РК – диспозиции статьи 143. – Р.К.*). Следовательно, частичная (неполная) верифицируемость факта может быть приемлема для судебного разбирательства лишь в том случае, когда собственно порочащий атрибут события или факта попадает в поле верифицируемости.

Именно такая ситуация описана в *Кейсе А6*. В основании данного кейса находится высказывание, в котором верифицируемыми являются не все атрибуты факта. Субъект действия ‘Фирма Иванова + прочие фирмы’ частично не поддается проверке на предмет соответствия действительности: второй компонент субъекта выражен нечетким определителем (*прочие фирмы* – какие?). Однако неполная верифицируемость факта в формально-логическом аспекте оборачивается полной верифицируемостью в правоприменительном аспекте, поскольку атрибуты, напрямую коррелирующие с диспозицией ст. 152 ГК РФ, то есть имеющие значение для установления достаточных признаков правонарушения, верифицируются в полном объеме. Неверифицируемый атрибут процессуально незначим и на правоприменительную верифицируемость высказывания влияния не оказывает.

Возвращаясь к *Кейсу А5*, следует подчеркнуть, что неверифицируемым является атрибут, имеющий значение для установления признаков правонарушения, поскольку истцом оспариваются сведения о том, что он не расплатился по *огромному количеству долгов*. В ходе судебного разбирательства может быть установлено, что истец действительно не произвел полный расчет по ряду кредитов – одному, двум или десяти. Но суд не сможет мотивировать какими-либо нормативными или научными данными, свидетельствующими о том, что количество непогашенных кредитов достигло количества, равного *огромному*. Следовательно, из высказывания

«Фирма Иванова не рассчиталась по огромному количеству кредитов» не выводится информация о верифицируемом факте.

Кейсы группы В посвящены дифференциации сведений о событии и сведений о факте:

Кейсы группы В (событие vs факт)

Кейс В1: В газете опубликовано: «Смирнов подделал подписи на документах». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд удовлетворил исковые требования, установив, что распространенная информация является не соответствующими действительности сведениями порочащего характера.

Кейс В2: В газете опубликовано: «Смирнов совершил мошенничество». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд удовлетворил исковые требования, установив, что распространенная информация является не соответствующими действительности сведениями порочащего характера.

Кейс В3: В газете опубликовано: «Смирнов – мошенник». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд удовлетворил исковые требования, установив, что распространенная информация является не соответствующими действительности сведениями порочащего характера.

Кейс В4: В газете опубликовано: «Смирнов – хитрец». Истец обратился в суд за защитой чести и достоинства. Суд в удовлетворении исковых требований отказал.

Кейс В1 основан на высказывании, содержащем сведения о конкретном верифицируемом событии, характеризующемся идентифицируемыми и измеряемыми атрибутами: субъект действия – Смирнов; процесс – подделка в документах; объект действия – подписи. В случае с данным высказыванием без труда выполняется референция в область объективных процессов.

Кейсы В2 и В3 основаны на высказываниях принципиально иного типа. Из высказывания «Смирнов – мошенник» не может быть выведена информация о каком-либо объективном процессе, иными словами, невозможно сделать облигаторный (*т.е. обязательный*. – Р.К.) вывод по типу: «Если известно, что Смирнов мошенник, то Смирнов сделал X», поскольку мошенничество – это вид действий, то есть типологическая номинация неограниченного множества конкретных действий, отвечающих типологическим признакам (это и подделка подписей, и подлог документов, и обман с целью извлечения дохода и т.д. и т.п.). Кейс В2 основан на высказывании, структура которого более соответствует структуре высказывания о событии, однако в отношении данного высказывания референция в область объективных процессов также выполняться не будет. Если известно, что Иванов совершил мошенничество, но неизвестно, какое именно

действие он совершил, то модель конкретной ситуации на основе данного высказывания не реконструируется и референция в область объективных процессов не выполняется. В этом отношении между Кейсами В2 и В3 нет принципиального различия.

С точки зрения лингвистической семантики оба кейса имеют в своем основании оценочные высказывания, поскольку номинация неназванных действий и неконкретизированного поведения как 'мошенничество' и 'мошенник' соответственно является *квалификацией*, выражаясь юридическим языком, или *оценкой*, выражаясь лингвистическим языком. Однако на практике оценочные высказывания «Смирнов совершил мошенничество» и «Смирнов – мошенник» правоприменитель признает содержащими сведения порочащего характера, то есть верифицируемыми. Основанием для такого решения служит очевидное свойство данного типа оценок – их *объективированность* (признак оценки, позволяющий рассматривать кого-либо, что-либо как объективное, реальное. – Р.К.).

Объективированная оценка достаточно четко дистанцируется от не-объективированной оценки. Например, высказывание, лежащее в основании Кейса В4, содержит информацию оценочного характера, поскольку из высказывания не выводится информация о конкретном событии. Но в отличие от ситуаций, смоделированных в Кейсах В2 и В3, высказывание «Смирнов – хитрец», содержит информацию об оценке, которая не активирована и не может быть активирована. В экстралингвистической реальности не существует процедуры, в рамках которой может быть вынесено решение о том, что Смирнов – хитрец. Следовательно, оценка, выраженная в высказывании «Смирнов – хитрец» является необъективированной.

Если попытаться выразиться более абстрактно, то объективированная оценка дается в соответствии с какой-либо кодифицированной нормой и на основании кодифицированного регламента. В качестве примера может служить сфера права: кодифицированная норма – понятие о мошенничестве, прописанное в диспозиции ст. 159 УК РФ (*и диспозиции ст. 177 УК РК.* – Р.К.), кодификационный регламент – уголовно-процессуальное законодательство, устанавливающее порядок следствия, судебного разбирательства и вынесения приговора.

Однако объективированная оценка может быть не только правовой. В основании Кейса В3 могло быть высказывание «Смирнов – прогульщик». Как и высказывание «Смирнов – мошенник», анализируемое высказывание выражает оценку, общую квалификацию поведения конкретного лица. Оценка некоего лица как прогульщика является объективированной, поскольку в экстралингвистической действительности существует кодифицированная норма – понятие *прогул* и кодифицированный регламент

констатации прогула лицом, наделенным полномочиями по оценке студента – преподавателем или представителем деканата. Даже если в суде будет слушаться дело по факту распространения высказывания Смирнов-прогульщик не преподавателем, а кем-либо из одногруппников Смирнова, основанием для признания высказывания порочащим будет само наличие принципиальной возможности верификации данной оценки в соответствии с существующими кодифицированным понятием и кодифицированным регламентом: суд будет апеллировать не к мнению одногруппников, а к документам деканата, журналу посещения, то есть к оценкам, объективированным в актах»⁸.

1.3. Правовая регламентация оценочных суждений (мнений)

Такие свойства оценок как объективированность/необъективированность позволяют рассматривать оценочную информацию в аспекте проблем судебной лингвистики, одной из которых является регламентация оценочных суждений (мнений). Умалить честь и деловую репутацию могут не только не соответствующие действительности порочащие сведения, но и негативные оценочные высказывания (суждения), часто выступающие предметом спора в судах. В отличие от утверждений о фактах, которые можно верифицировать, оценочные суждения, мнения ответчика как выражение их субъективного мнения и взглядов не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Рассмотрим следующее спорное высказывание: *На судебное расследование А. ни разу не явился, а спрятался за спиной юриста К. (как шелудивый пес поджал хвост)*. Высказывание содержит описательный компонент – сведения о верифицируемом событии, характеризующемся идентификационными и измеряемыми признаками: субъект действия – А., процесс – неоднократная неявка, место – суд. Эта часть высказывания истцом не опровергается, спорной является оценка ответчиком указанного события. Стилистический параметр дифференциации сведений и мнений позволяет выделить в этой части риторические приемы (метафоры, сравнение), не допускающие буквальное истолкование и выражающие авторскую оценку предмета речи. Оценка выражена при помощи фразеологизма «спрятаться за чью-либо спину», используемого в значении ‘перекладывать свои обязанности или ответственность на кого-либо’. Эта оценка форми-

⁸ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 44-50.

рует идею трусости истца, что негативно характеризует его как личность. Использование этого фразеологизма в макроконтексте указывает на убежденность ответчика в том, что для него в данном конкретном случае не прятаться за чью-либо спину означает обязательное присутствие А. на судебных заседаниях. Оценка, выраженная указанным фразеологизмом, усиливается метафорическим сравнением *как шелудивый пес поджал хвост*. Фразеологизм «поджать хвост» означает ‘стать скромнее, стать менее самоуверенным в своих действиях’. Рассмотренная оценочная часть высказывания не может быть проверена на соответствие действительности, поскольку содержит информацию не о самой реальности (событиях, явлениях и пр.), а о том, какой образ действительности есть у говорящего. Верификационный параметр позволяет установить, что из этой, конфликтной части высказывания не выводится информация о конкретном событии (бессмысленно: А. поджал хвост), и оценка является необъективированной.

Собственно оценочные утверждения, как правило, нельзя проверить на соответствие действительности. Например, не верифицируема оценка российским культурологом Даниилом Дондуреем телевизионной информационно-развлекательной программы Первого канала: *«На мой взгляд, «Прожекторперисхилтон» и подобные ей программы – это большой свисток, через который можно выпускать смысловой пар. Говорили откровенно? Откровенно! Ярко? Да! Остро? Конечно! А что в итоге, что осталось в памяти? Да ничего! И вот эта гигантская пустышка, имитация критики всех устраивает»* (выделены маркер мнения и негативно-оценочные конструкции). Такая оценочная информация не может быть опровергнута, но она может быть оспорена в ходе полемики на страницах того издания, где была изложена.

Однако невозможность подтвердить или опровергнуть субъективное мнение, признать его истинным или ложным не исключает возможности его верификации. Нельзя проверить утверждение: *Елкин – ленивец*, так как у каждого свое представление о лени. Однако сравните: 1) *Елкин плохо работает* – утверждение, содержащее оценку (плохо), подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностная инструкция). Или же: 2) *Она плохая мать* – оценочное суждение, подлежащее верификации, поскольку брачно-семейное законодательство указывает критерии добросовестно выполняемых родительских обязанностей. Все эти оценки являются объективированными и даются в соответствии с определенными кодифицированными нормами и на основании кодифицированного регламента. Например, кодифицированная норма для примера 1 – положение должностной инструкции, опреде-

ляющее функции и обязанности сотрудника, кодифицированный регламент отражен в процедуре урегулирования трудовых споров в комиссии по трудовым спорам. Для примера 2 кодифицированная норма – понятие прав и обязанностей родителей, прописанное в ст. 62 закона РК «О браке и семье», кодифицированный регламент, к примеру – гражданско-процессуальное законодательство, устанавливающее порядок судебного разбирательства и вынесения решения по делам о лишении родительских прав.

Или же: негативно-оценочные высказывания *Директор завода Иванов груб с подчиненными, бесцеремонен; Начальник службы безопасности не пользуется уважением* коллег могут быть расценены с точки зрения ответственности действительным обстоятельствам. Суд может апеллировать к показаниям сослуживцев. Во всех этих случаях негативная оценка, проверяемая на предмет соответствия действительности и признаваемая не соответствующими действительности, будет выступать уже как порочащие сведения.

Интересны в рассматриваемом аспекте подходы в лингвопрагматике, учитывающие в речевой коммуникации максимы Г. Грайса (12.03.13 – 28.08.88), известного английского лингвиста и философа, с именем которого связаны три десятилетия развития прагматики в её содержательном аспекте. Речевое общение предполагает соблюдение норм и конвенций речевого поведения, и в этой связи успешность коммуникации в большей степени зависит от выполнения максим Грайса, составляющих его основной Принцип Кооперации⁹. Соблюдение этого Принципа ожидается от всех коммуникантов, если для них целью общения является максимально эффективная передача информации. Принцип Кооперации объединяет несколько постулатов (или максим) как своеобразных предписаний или рекомендаций коммуникантам, одно из которых – максима Качества:

- 1) *Не говори того, что ты считаешь ложным.*
- 2) *Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.*

Участникам общения рекомендуется сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки, как того требует и закон достаточного основания в логике. Всякие распространенные высказывания со значением предположения (мнения), как и оценка (оценочное мнение), не будучи формально истинными или ложными, должны иметь какие-либо основания, не должны быть произвольными, мотивированными только так или иначе возникшей неприязнью к объекту оценки.

⁹ Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С.217–237.

Примечательны в этом отношении позиция и практика Европейского Суда по правам человека. Европейский Суд обращает внимание на то, что оценки должны быть основаны хотя бы на каких-то фактических данных и не быть голословными (см. напр., в деле «Джерусалем против Австрии»). Так, Суд отметил:

«Требование доказать соответствие действительности оценочных суждений невозможно выполнить, и оно ограничивает саму свободу мнения, которая является фундаментальной частью права, защищаемого статьей 10 (...). Однако даже тогда, когда высказывание признается оценочным суждением, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточная фактическая основа для оспариваемых высказываний, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы его поддерживающей, может быть чрезмерным».

Заслуживают внимания и аналогичные выводы Суда по делу между двумя датскими журналистами и Данией. Суд пришел к заключению: «... даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным» (Педерсен и Бадсгард против Дании, 2003)¹⁰.

Рассмотрим фрагмент текста газетной публикации, в которой приводится беседа журналиста с министром культуры и информации (ныне – экс-министр). В ответе выделены спорные компоненты высказывания.

– На защиту телекомпании «Эра-ТВ» встал ряд журналистских организаций, обвинив Вас в некорректности и потребовав даже Вашей отставки? Чем же Вы не угодили Союзу журналистов, «Адил созу», Национальной ассоциации телеведущих? Вообще, с чем связаны Ваши столь тяжелые отношения с журналистскими организациями?

– Самое главное, что у меня хорошие отношения с журналистами. Я – открытый министр. В прошлом году я дал сотни интервью, написал десятки статей, много раз выступал в электронных СМИ. Но в семье не без урода. Так же, как и среди чиновников, так и в журналистской братии есть мерзавцы. Позвонил мне как-то один из них и говорит: «Я – имярек. Газета «Время». Я ему говорю: «Не звони мне больше». «Почему?» – спрашивает. «Да потому что мне неприятно», – отвечаю.

¹⁰ Средства массовой информации и правовые вопросы защиты чести и достоинства – М.: Институт проблем информационного права, 2004. С. 64

Журналисты имеют право на получение информации. Но, во-первых, ЖУРНАЛИСТЫ, а не проходимцы и аферисты от журналистики, новоявленные телекиллеры. А во-вторых, информация должна быть правдивой, объективной и неодносторонней. Так что, у вас есть право на получение информации, а у меня есть право выбора. Никто не заставит меня сесть за один стол и пожать руку человеку, который вызывает у меня омерзение».

Как видим, ответ министра изобилует негативно-оценочными характеристиками неназванного журналиста газеты «Время» (в контексте всей публикации эти оценки могут быть отнесены и к другим корреспондентам этой газеты).

Очевидно, что, кроме слова *мерзавец*, все эти оценочные слова и выражения употреблены не в прямом, «криминальном» значении, а в переносном, как медийное уничтожение, дискредитация кого-либо. Негативные характеристики относятся к профессиональной деятельности этих журналистов; на это указывает 1) предлог *от* в словоформе *от журналистики*, употребляющийся «для указания на область деятельности, в рамках которой кто-либо, выступая в качестве ее представителя, действует так, что может быть обозначен предшествующим по отношению к предлогу существительным с негативным значением» (например, *чиновник от науки, бюрократ от литературы*)¹¹, 2) первая часть *теле-* сложного слова *телекиллеры*. Слово «телекиллер» употребляется в отношении журналиста, строящего свою работу на сборе и предвзятой подаче компрометирующих материалов с целью разоблачения объекта исследования (на постсоветском медийном пространстве первым такую оценку в 1999 году получил российский журналист Сергей Доренко в связи с резкой критикой Юрия Лужкова во время выборов в Государственную думу. Высказывается предположение, что в 1996 году широко этим термином заменили словосочетание «*продажный журналист*» и именно в конце 1990-х работа такого рода стала явлением в российской медиаиндустрии). Плодом, продуктом профессиональной деятельности журналистов являются сообщения и материалы, подготовленные ими для СМИ. Существуют определенные профессионально-этические стандарты журналистики, зафиксированные в различных международных и национальных актах. Не избежим соблазна привести «Международные принципы профессиональной этики журналиста», принятые на консультативной встрече международных и региональных журналистских организаций в Париже 20 ноября 1983 года:

¹¹ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова. – М.: «Издательство Астрель», 2002. С. 250.

- Принцип № 1. Право граждан на достоверную информацию
- Принцип № 2. Объективное освещение событий – долг журналиста
- Принцип № 3. Социальная ответственность журналиста
- Принцип № 4. Профессиональная честность журналиста
- Принцип № 5. Общественный доступ к информации и участие в СМИ
- Принцип № 6. Уважение частной жизни и достоинства
- Принцип № 7. Уважение общественных интересов
- Принцип № 8. Уважение всеобщих ценностей и многообразия культур
- Принцип № 9. Борьба против войн и других бед, грозящих человечеству
- Принцип № 10. Развитие нового мирового информационного и коммуникационного порядка

Правовые предписания, регулирующие качество журналистской продукции, отражены и в соответствующих статьях закона РК «О средствах массовой информации». В анализируемом фрагменте представления министра об этих стандартах сформулированы во фразе: *А во-вторых, информация должна быть правдивой, объективной и неодносторонней*, и его оценочные характеристики журналистов газеты «Время» сделаны с опорой на эти профессионально-этические стандарты: (обратите внимание на модальность долженствования: *информация **должна быть***). Поэтому эти оценки (*проходимцы и аферисты от журналистики, новоявленные телекиллеры*) являются объективированными (и, следовательно – проверяемыми), поскольку они даются в соответствии с кодифицированными нормами, регулирующими журналистскую деятельность. В основу доказательства истинности оценок могли быть положены решения судов, лингвистические экспертизы публикаций проходимцев и аферистов от журналистики, телекиллеров. А на деле мы имеем голословные, немотивированные оценки, навешивание ярлыков. В делах о диффамации¹² должны быть какие-то материалы, позволяющие суду сделать вывод о том, что

¹² Диффамация (от лат. diffamatio, англ. defame ‘порочить’) – общепринятый в большинстве стран мира юридический термин, под которым понимается правонарушение в виде распространения не соответствующих действительности фактических сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию потерпевшего. Диффамация является тем правовым институтом, через который в гражданском праве реализуются, с одной стороны, конституционное право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации, а с другой – конституционное право на свободу слова и массовой информации.

субъект речи (журналист, политик, чиновник, рядовой гражданин и др.) дал добросовестный комментарий и имел хотя бы слабую фактическую основу для своих выводов и оценок.

1.4. Разновидности мнения

Поскольку мнение составляет оппозицию к понятию утверждение о факте, рассмотрим его природу подробнее.

Разновидностями мнения являются предположение (прогноз). Предположение, как было отмечено выше, содержит специальные словесные маркеры, выражающие неуверенность, сомнение, обозначающие вероятность происхождения того или иного события, одну из возможных версий (*может быть, вероятно, по-видимому, наверное, предполагаю, полагаю, похоже, вроде бы* и т.п.). Дополнительный показатель прогностического мнения – грамматический (сказуемое в будущем времени: *я боюсь, завтра будет ураган*). Предположение используется, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности¹³: *Предполагаю, что он был связан с крыкбаевской ОПГ*. Субъект мнения высказывает суждение, в истинности которого он не совсем уверен.

Примеры мнений-предположений:

– *Что касается самого БТА, то, похоже, он обречен. Самый крупный частный банк СНГ, построенный как международная бизнес-корпорация, не выдержал государственного контроля и управления.* (Первая фраза содержит оценку состояния банка, выраженную в форме предположения-вывода, вытекающего из предшествующей части текста. Предварительность вывода выражена вводным словом *похоже*, которое употреблено для выражения того, что говорящий не уверен в полной точности высказывания, что оно носит предположительный характер).

– *Возможно, у Федорова были более веские причины вмешиваться в подобные дела. Помимо знаменитой московской больницы и клиники за рубежом, он владел акциями двух больших московских гостиниц и казино «Ройял» (конкурент казино «Черри», контролируемого чеченцами).* (В первой фразе при помощи вводного слова *возможно* выражено предположение о наличии причин вмешательства известного российского офтальмолога Станислава Федорова в какие-то события; вторая фраза содержит основания высказанного предположения).

¹³ Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов/ Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. С. 94.

Кроме предположения выделяют еще два типа мнений: 1) экзистенциальное мнение (мнение о факте), содержанием которых является констатация того или иного явления, суждение о том, что нечто имеет или будет иметь место (*Думаю, что Олег уехал в Киев*); 2) оценочное мнение (мнение-оценка), содержанием которого является оценка того или иного явления (*Я считаю, что Егоров отличный врач; Таких людей немного, он лучший из лучших*). **Мнение о факте** не выражает оценку, как не выражают ее некоторые оценки, не являющиеся мнением в собственном смысле слова. Так, объектом мнения не могут быть оценки-ощущения, или *чувственные оценки*, выражающие впечатления, которые возникают в нашем сознании при восприятии чего-либо органами чувств – зрением, слухом, обонянием, осязанием: *приятный, неприятный, противный, вкусный* и т.п. Не говорят: *Я считаю, что это приятно/вкусно; Он считает, что ему больно*. Эти оценки ничего не описывают, ничего не утверждают, являясь словесными выражениями определенных психических состояний. Не относятся к мнению и некоторые эмоциональные оценки, не связанные со сложными мыслительными операциями и концептуальным миром субъекта познания. Эмоциональная реакция возникает у человека при непосредственном восприятии ситуации и необязательно сразу формирует какое-либо мнение. Например, не является мнением эмоциональная оценка, сделанная в аффективном состоянии. Подобные оценки чаще всего являются ситуативными, сильно зависят от общего коммуникативного контекста, поэтому вряд ли можно сказать, что они осознанны и представляют систему взглядов субъекта оценки.

Мнение-оценка принадлежит сфере рассудка, представляет собой вид рациональной оценки, оценки-мысли, характеризующей объект на основе рационального сопоставления явлений одного класса, указания на то, что объект соответствует / не соответствует представлениям субъекта об эталоне, норме, идеализированной модели: *Считаю, что это аморальный поступок / нерасторопный работник/неадекватное поведение*. Формирование мнения-оценки занимает некоторый временной промежуток, требуемый для определенной работы мысли; к мнению приходят в результате жизненного опыта, наблюдений и размышлений¹⁴. Приведем пример оценочного мнения (фрагмент из интервью).

«– А почему вы поссорились с Ксенией Собчак?

– Я с ней не ссорился. Просто прямо высказываю свою точку зрения. Она не женщина, она гей. Она же неадекватное олицетворение мерзости.

¹⁴ Гибатова Г. Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: Автореф. дисс. докт. филол. наук. Уфа, 2011.

Собчак не политик. Она информационный раб. Глупая уловка в Болотном озере. Она самый главный трус в этой стране. Потому что боится делать добрые дела. Мы теряем страну из-за таких гламурных девиц! Хватит врать самим себе. Она публично гадит в души. А мне не нравится этот моральный онанизм».

Как видим, в своем высказывании субъект речи дает очень резкие негативно-оценочные характеристики Ксении Собчак, в котором присутствуют как показатель мнения (*высказываю свою точку зрения*), так и оценочные слова и выражения. С позиций базовых правил общения, сформулированных в максимах Г. Грайса, в них нарушен такой принцип конструктивного общения, как максима качества: сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки. В ответе нет утверждений о фактах, но есть оценки, ни одна из которых не имеет своего обоснования. В целом же это необъективированные оценки, которые не могут быть проверены на соответствие действительности.

1.5. Оценка (оценочные суждения / оценочные высказывания)

В соответствии с приведенным выше толкованием порочащих сведений не могут быть признаны порочащими отрицательные *оценочные суждения*, которые, как показывает лингвоэкспертная практика, очень часто выступают предметом спора в судах в делах по вербальным правонарушениям. Сделаем небольшое отступление, поясняющее природу и использование оценки.

Оценку называют неотъемлемым свойством бытия человека, который в своей познавательной деятельности не может не квалифицировать окружающий его мир. Любой человек в процессе жизнедеятельности постоянно оценивает предметы, явления, ситуации, события, поступки и действия других людей; оценивает свои возможности, состояние, поступки и результаты своих действий; предвидит и учитывает, как его могут оценивать другие люди; формулируя оценки, оказывает влияние на окружающих и, в свою очередь, постоянно испытывает на себе влияние оценок других людей.

Оценка имеет свои разновидности: *сенсорная* (чувственная): это приятно – это неприятно, тепло – холодно, вкусно – невкусно/безвкусно, душистый и др. *Рациональная* (интеллектуальная): это умно – это глупо, интересно, странно и др. *Эмоциональная*: это весело – это грустно, это мило, восхитительно, а это обидно, оскорбительно и др. *Утилитарная*: это полезно – это вредно, это нужно, это уникально, а это обычно, это модно, это надежно и др. Утилитарная оценочность является главенствующей

стилевой чертой рекламных текстов. *Социальная*: это свои – это чужие, это прогрессивные деятели – это реакционеры, это коммунофашисты – это дерьмократы... Социальная оценочность определяет и содержание, и стиль политической коммуникации, журналистских и публицистических произведений. *Этическая*: это можно – это нельзя, это должно – это запрещено, это благородно, это аморально и проч. *Эстетическая*: это красиво – это безобразно, уродливо и др.

Значение примеров показывает, что оценка – это сфера проявления субъективного начала в деятельности человека, в его познании и словесном отображении мира (синонимы оценки – взгляд, воззрение, точка зрения). В оценочных высказываниях информация складывается (формируется автором и понимается его собеседником, его аудиторией) из двух основных компонентов: к объективной дескриптивной (описательной, констатирующей) информации прибавляется субъективная информация об отношении этого автора к тому, о чем и как он говорит, то есть оценка. Для каждого человека оценка имеет статус субъективной истины. Знакомая с оценочными высказываниями, читатель (слушатель) уже по наличию в них слов-маркеров и оценочной лексики делает для себя вывод, что он получает субъективную информацию. Поэтому оценочные суждения как таковые и не подвергаются верификации – проверке на соответствие действительности (т.е. на объективную истину). Стара кантовская идея о том, что, глядя в лужу, один видит грязь, другой звезды, и каждый это свое явление и называет. «Нынешние “судьбоносные” ЕНТ – педагогический идиотизм и государственное издевательство над детьми. По-другому это не назовешь. Выявление знаний у ребенка должно быть многоэтапным и не стрессовым», – отмечает Петр Своик¹⁵. «О вкусах не спорят» – в этом афоризме сформулирована одновременно и житейская мудрость, и научный критерий истинности оценочных высказываний. В них на истинность проверяется именно и только дескриптивный компонент. Рассмотрим пример. *«Евкуров с самого начала своими необдуманными действиями сеет семена раздора между чеченским и ингушским народами. И нельзя допустить, чтобы они взошли. Это противоречит духу дружбы и братства двух народов»*, – сказал Р. Кадыров. В этом фрагменте выступления главы Чеченской республики первая фраза содержит оценочное суждение, в котором имеются два содержательных компонента: описательный (Евкуров с самого начала своего руководства совершал какие-то действия) и оценочные (действия необдуманные; Евкуров сеет семена раздора между

¹⁵ <http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/society/12832350/?frommail=1> Политический деятель предложил в Казахстане оставить 30 вузов; обращение 22 апреля 2013 г.

чеченским и ингушским народами). На истинность проверяется только дескриптивный компонент (в тексте выступления Кадырова обозначается несколько действий главы Ингушетии Ю. Евкурова, в том числе – заявление Евкурова в связи со спецоперацией в ингушском селе Галашки; можно проверить, имели ли место эти действия). Собственно же оценочные компоненты (действия необдуманные; Евкуров сеет семена раздора между чеченским и ингушским народами), которые характеризуют действия лица, а также дают оценку ситуации, верификации не подлежат. Для одних людей, в одной картине мира действия главы Ингушетии предосудительные, отрицательные, а в другой и для других – положительные. Невозможно привести эти оценочные мнения к единому мнению, поскольку оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у разных людей. Субъективизм анализируемого высказывания выражен и в характере смысловых отношений между дескриптивным и оценочным компонентом высказывания, который выражается в установлении субъективной причинно-следственной связи, в которой причина – определенные действия Евкурова, следствие – ситуация, «истинность» которой зависит только от субъекта оценки.

Другой пример оценочных высказываний: *Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях* (наряду с авторским удивлением – неverified оценкой – в предложении присутствует четкое событийное, верифицируемое сообщение о том, что некто решился на обман, т.е. обманул).

Один и тот же объект можно обозначить разными способами, а именно: 1) прямой и нейтральной в оценочном и стилистическом аспектах номинацией (например, *она старая женщина*), 2) прямой оценочной, зачастую и стилистически окрашенной номинацией (*она старая карга! Ах ты старая кошелка!*) и 3) переносной (образной), которая, как правило, бывает осложнена оценочными оттенками значения (*она просто Баба Яса! Она просто Квзимодо!*). Причины использования именно оценочных высказываний обусловлены их оценочным значением, которое более чем какое-либо другое зависит от говорящего субъекта, выражая его личное мнение и вкусы, отвечая его ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Но формируя оценочное высказывание, говорящий весьма активно обращает его к адресату речи. И основное коммуникативное назначение оценочных высказываний – не сообщить объективную информацию, а передать преимущественно чувства, отношение говорящего, вызывая тем самым эмоциональную реакцию и даже ответные действия адресата. Иными словами, говорящий использует язык не столько в целях общения (сообщения и получения информации), сколько влияния, воздей-

ствия на собеседника (читателя, слушателя). Воздействие реализуется как следствие потребности дать выход нашим чувствам, создать настроение, побудить к определенным поступкам, изменению позиции. Роль оценочных высказываний с одной стороны состоит в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, а с другой – чтобы сформировать некоторое отношение, мнение, оказать на других лиц воздействие либо дать возможность принять практическое решение.

Оценка может быть как позитивной, так и негативной. Оценочная характеристика предметов, свойств, фактов, ситуации по признаку «плохо» может стать источником речевого конфликта. «Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений и взглядов, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. Речевые действия субъекта определяют речевое поведение адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету разногласия или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт»¹⁶.

Приведем примеры оценочных высказываний, употребление которых привело к речевому конфликту, а некоторые стали предметом судебного разбирательства.

1. В апреле 2010 г. в эфире одного из российских телеканалов В. Жириновский назвал столичное правительство «московской мафией» и добавил, что «все это связано с одним человеком – мэром Москвы». Кроме того, политик обвинил столичное правительство в связях с криминальным миром и назвал его «огромным тормозом для всей страны». Суд отказал в иске бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова о защите чести и достоинства к лидеру ЛДПР.

2. В апреле 2011 г. российский музыкальный критик Артемий Троицкий в программе «Репортерские истории» на телеканале РЕН-ТВ высказался следующим образом: «У нас есть разные рок-музыканты. Есть, ска-

¹⁶ Третьякова В.С. конфликт как феномен языка и речи // теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. М., 2002. С. 222.

жем, Вадим Самойлов из распавшейся группы «Агата Кристи», который просто такой *дрессированный пудель при Суркове*, – сказал тогда Троицкий. По жалобе Вадима Самойлова было возбуждено дело по обвинению в оскорблении.

3. Весной 2012 г. газета «Комсомольская правда – Пермь» опубликовала на своем сайте видеоролик с интервью с В. Жириновским, данное им телеканалу «Совершенно секретно» в начале 2000-х годов: *«Ельцин – тупой не только потому, что строитель. Урал, Урал, Урал! Там огромное количество залежей под землей. Это кладовая страны. Там огромное магнитное поле. Там вообще тупое население. Там дебилы живут. От Перми до Екатеринбурга – это население дебильное. Он, может быть, здоровый, но если взять его по интеллекту – он тупой, до упора. С ним разговариваешь – пермяк: стоит и так на тебя испуганно смотрит! Потому что это уже не Ленинград, не Саратов. Я же объехал всю страну. Я сорок лет езжу по стране. Более тупого населения, чем на Урале, нет. И там родился Ельцин»*. Эта часть интервью В. Жириновского вызвала большое возмущение жителей уральского региона и послужила основанием для иска о защите чести и достоинства жителя Перми к лидеру ЛДПР.

4. В июне 2009 года депутат мажилиса С. Мукашев подал заявление о досрочном прекращении депутатских полномочий. Ряд казахстанских СМИ сообщили, что основанием заявления послужило обвинение авиакомпании «Эйр-Астана» мажилисмена в непристойном поведении. По данным авиакомпании, депутат несколько раз оскорбил бортпроводницу. «Я попросила господина Мукашева поднять кресло, потому что минут через 5-7 мы совершим посадку. Он повернулся и сказал, что я *идиотка*, не нужно ему указывать, он сам знает, когда ему поднимать. Я *дебилка*, не надо стоять над душой. Он меня оскорбил», – говорит бортпроводник Юлия Анохина. Как отмечается в сюжете КТК, стюардесса утверждает, что высокопоставленные чиновники и народные избранники ведут себя подобным образом регулярно. Но на этот раз девушка молча сносить оскорбления не стала и составила акт о нарушении правил поведения во время полета. А затем авиакомпания написала в администрацию президента письмо с просьбой разобраться в ситуации.

Субъектами приведенных оценочных характеристик являются политики – депутаты Госдумы РФ и мажилиса РК, творческий работник. Объектом отрицательной оценки выступают государственный орган (1), часть общества (3), отдельные люди (2, 4). Оценка выражается средствами всех уровней языка и прежде всего лексико-стилистическими. Так, криминальная метафора *московская мафия* формирует прагматический смысл

‘у власти в регионе находится преступное сообщество’, механистическая метафора *огромный тормоз для всей страны* формирует смысл опасности этого сообщества для страны. Ярко выраженную негативную оценку личности содержат зоометафоры, формирующие различные отрицательные смыслы (*дрессированный пудель*), бранные слова (*дебилка, идиотка*).

Для выражения оценки язык обладает большим спектром разноуровневых элементов – частей слова, слов, синтаксических конструкций. Так, отрицательное значение могут вносить суффиксы уничижительной оценки (ср.: *писатель* и *писака*, *газета* и *газетенка*, *алкоголик* и *алкаш*, *депутат* и *депутатишка*). Однако основным языковым уровнем, способным выражать любые виды мнения и оценки, является лексико-семантический.

1.6. Типовые вопросы эксперту (специалисту) по делам о распространении порочащих сведений (ст. 143 ГК РК) и клевете (ст. 129 УК РК)

1. Содержится ли в представленном на исследование тексте (статье) негативная информация о лице? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. Можно ли по имеющимся в тексте номинациям установить, что речь идет о конкретном лице?

3. Содержится ли в тексте (статье) негативная информация о деловой репутации юридического лица (общественной организации/фирмы/ учреждения «...»)?

4. В какой форме – утверждения о фактах или оценочного суждения (мнения, предположения) – представлена информация?

Если негативная информация относится к истцу, если она по своей природе событийная, она должна быть подвергнута верификации и в случае недоказанности признана порочащей и опровергнута. Негативная обьективированная оценка тоже может быть отнесена к разряду порочащих сведений и верифицирована.

2. Клевета

Ст. 143 ГК РК (Защита чести, достоинства и деловой репутации) и ст. 128.1 УК РК (Клевета) очень близки по диспозиции и могут быть применены для оценки одного и того же текста. В соответствии со ст. 129 УК РК клевета – это «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию». В отличие от оскорбления (ст. 130 УК РК) определение клеветы предъявляет

требования только к содержательной стороне распространенного текста (а не к его форме), а также его коммуникативной функции (т.е. направленности на сообщение сведений либо выражение мнения). Следовательно, для привлечения автора публикации к уголовной ответственности по данной статье необходимо наличие совокупности следующих условий:

- 1) информация распространена;
- 2) она не соответствует действительности;
- 3) информация является сообщением сведений, а не выражением мнения автора;
- 4) сведения носят порочащий характер;
- 5) преступление совершено с прямым умыслом.

Помощь лингвиста часто бывает необходимой при установлении последних трех признаков.

Способы разграничения выражения мнения и сообщения сведений в различных текстах, а также установления порочащего характера информации были указаны выше, здесь целесообразно рассмотреть последний параметр клеветы как преступления – прямой умысел.

В то время как субъективная сторона унижения чести, достоинства и деловой репутации (ст. 143 ГК РК) не обязательно характеризуется прямым умыслом (лицо может находиться и в состоянии добросовестного заблуждения), клевета совершается именно с такой формой вины. Это отличие носит принципиальный характер, отделяя гражданское правонарушение от преступления. Для квалификации клеветы существен признак «заведомость лжи». Слово *заведомо* указывает на то, что человек заранее знал что-то существенное, относящееся к его деятельности – например, заключить договор на заведомо невыгодных для себя условиях; *заведомо идти на нарушение техники безопасности*. *Заведомо убыточное предприятие* – значит, знали, что будут нести убытки, но все-таки открыли предприятие – например, из-за его социальной значимости. В общем, в *заведомо* просматривается идея «ведать» – ведал человек, что творил. А в юридических контекстах прямо так и говорится – *заведомо для кого-то: Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности*. То есть, важно не только то, что женщина была беременна, а еще и то, что преступник знал об этом, когда совершал свое черное дело.

Предположим, в тексте СМИ, устном или печатном, использована фраза: «Это Ахметов организовал тайный вывоз металла с территории металлургического комбината». Чтобы понять, какое деяние совершил субъект высказывания, необходимо определить цель субъекта, допустившего такое высказывание. Данная информация может быть получена из контекста – как внутритекстового, так и коммуникативного (ситуации общения).

Понятно, что речь идет об уголовно наказуемом деянии – краже металла с металлургического комбината. В этом случае своевременно сообщенная информация о краже, в которой в роли организатора принимал участие и Ахметов, будет способствовать ее расследованию. Впрочем, впоследствии может оказаться, что Ахметов не причастен к совершению данного деяния. В этом случае лицу, поспешившему обличить Ахметова, придется ответить в соответствии с п. 1 ст. 143 ГК РК (Защита чести, достоинства и деловой репутации), а Ахметов будет иметь все шансы отстоять поруганную честь и униженное достоинство, потребовать опровержения сказанного и компенсации морального вреда.

Однако возможна и иная ситуация: некто желал скомпрометировать Ахметова, помешать его карьере, для чего громогласно сделал приведенное выше заявление, намеренно дезинформировал. Неважно, что впоследствии невиновность Ахметова будет доказана; значение может иметь данная конкретная минута. Как квалифицировать подобное деяние? Ответ – как клевету. Налицо все признаки преступления: помимо факта распространения не соответствующих действительности сведений, утвердительной формы высказывания и его унижающего содержания, очевиден прямой умысел – оклеветать.

Установление умысла по клевете представляет немалую сложность на практике – как для обвинения, так и для защиты, потому что в большинстве случаев ее практически невозможно корректно применить. Клевета предполагает распространение **заведомо** ложных сведений. А поскольку в уголовном деле, в силу принципа презумпции невиновности, бремя доказывания лежит на обвинении, то обвинение обязано доказать, что обвиняемый **знал** о ложности своих утверждений, а это обычно трудно, а порой и невозможно установить. Предположим, назвал гражданин X гражданина Y вором, и X-а притянули за клевету. Прокурор тогда должен доказать не только что гражданин Y кристально честен, но и что гражданин X знал об этом, но это его не остановило. Но на практике это очень трудно доказать.

В рамках дел о клевете в компетенцию лингвиста входит установление тех же фактов, что и по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

3. Оскорбление

3.1. Речевая агрессия и оскорбление

Среди многих функций языка (коммуникативной, познавательной, воздействующей, эстетической, фатической и др.) ученые выделяют его инвективную функцию. «Инвективная функция языка является одной из

его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова»¹⁷. Исполнение этой функции для носителя языка так же естественно, как и выполнение коммуникативной и прочих функций. Общеизвестно, что все народы мира более или менее одинаково ссорятся и бранятся, у всех существует свой арсенал ругательств. Инвективная функция языка предполагает его использование в целях оскорбления, реализации вербальной (речевой) агрессии и др.

Под речевой агрессией понимается «обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в данной речевой ситуации форме»¹⁸. Различают две разновидности речевой агрессии. С одной стороны, речевая агрессия (в т.ч. и оскорбление) служит выражением отрицательных *эмоций и чувств*. К эмоциям и чувствам, вызывающим речевую агрессию, относят злость, раздражение, обиду, недовольство, отвращение, презрение и пр. Такая агрессия возникает чаще всего как ответная реакция на внешний раздражитель. Например, человеку нагрубил в магазине, наступили на ногу в автобусе, отказали в просьбе, возразили в споре – ответом на этот физический или психологический дискомфорт часто может быть брань, ругань, словесные нападки на собеседника, основной функцией которых являются психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое *намерение* – целенаправленное желание говорящего/пишущего нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т.п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.).

К основным видам и формам реализации вербальной агрессии относятся оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрек, обвинение), насмешка, жалоба, донос и клевета¹⁹.

3.2. Инвектива

Оскорбление как тип агрессивных высказываний называют словом «инвектива» («резкое выступление против кого-, чего-л.; оскорбитель-

¹⁷ Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. – Барнаул, 1999. – С. 44-49.

¹⁸ Щербина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004. С. 9.

¹⁹ Щербина Ю.В. Вербальная агрессия. М.: Издательство Комкнига, 2006.

ная речь; брань, выпад», восходит к латинскому *investive oratio* – бранная речь).

Понятие инвективы в работах современных исследователей рассматривается в *широком смысле* как любое выражение человеческой неприязни и агрессии (не только как «выпад против кого-л.»), потенциально воспринимаемое как оскорбление, и в *узком смысле* как осуществленная неcodифицированными (запрещенными) средствами оскорбительная номинация человека²⁰.

В современной лингвистической конфликтологии существует множество подходов к инвективе. Для целей лингвистической экспертологии в соответствии с указанными выше разновидностями вербальной агрессии разграничивают два подхода:

1) **инвектива как вид авторской экспрессии** (эмоциональное состояние говорящего: недовольство, ненависть, злость по отношению к кому-либо);

2) **инвектива как вид авторской интенции** (коммуникативная цель говорящего: желание навредить лицу, подорвать его авторитет, причинить нравственное страдание).

Инвектива как экспрессия проявляется в яркой оценочности речи: использовании ироничных, бранных слов и выражений, демонстрации презрения или ненависти. Инвектива-экспрессия ближе к оскорблению (в смысле ст. 130 УК РК) как проявлению резкой оценочности *без заведомой установки собственно на оскорбление*. В этом смысле инвектива-экспрессия близка к широкому пониманию инвективы.

Инвектива как интенция (коммуникативная цель) должна неуклонно выполнять задачу причинения вреда. В этом смысле инвектива-интенция близка к узкому пониманию инвективы. Кроме собственно оскорбления, инвектива-интенция является мотивом преступного деяния, именуемого клеветой, – сознательного нанесения вреда характеризуемому лицу путем распространения заведомо ложных сведений, унижающих его честь и достоинство.

Как было отмечено выше, инвектива рассматривается в широком и узком смыслах. Инвектива в узком смысле имеет и другие названия: ненормативная, табуированная, непристойная, непечатная, нецензурная лексика.

²⁰ Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М.: Медя, 2004. С. 289-298.

3.3. Нормативная и ненормативная лексика

К *нормативной лексике и фразеологии* относятся единицы, допустимые как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении (то есть в общественных местах), в СМИ. К *ненормативной* относится лексика, находящаяся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в СМИ.

Соотношение разрядов нормативной и ненормативной лексики представлено в сводной таблице²¹.

По нормативности	Нормативная (допустима в любой ситуации)	Ненормативная (допустима в ограниченном числе ситуаций)		
По стилистической отнесенности	Литературная и разговорная (<i>негодяй, мерзавец, подлец, сброд, хам, подонок, скотина, бездарь</i>)	Сниженная Сленг Жаргон Просторечие Вульгаризмы (<i>харя, рожка, пузо, жсopa, срать и др.</i>)	Бранная (<i>сволочь, ублюдок, сука, дерьмо, говно, падла и др.</i>)	Нецензурная (5 слов и их производные)
По этическому критерию (допустима в общественном месте)	Приличная допустима в общественном месте	Сквернословие		
		Некультурная (неуместна в общественном месте)	Неприличная (запрещена в общественном месте)	

Как видим, ненормативная лексика включает в себя три разряда – сниженную, бранную и нецензурную лексику.

Сниженная лексика – это лексика, использование которой признается неуместным в публичном употреблении, но ее оценка осуществляется в аспекте культуры речи, она не оценивается в морально-этическом плане. Ее употребление осуждается общественным сознанием как проявление, демонстрация низкой речевой культуры говорящего, но она не запрещена полностью. Употребление сниженной лексики чаще всего вовсе не от-

²¹ И.А. Стернин. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат» - №1 (79). – 2010. С. 16-21.

ражает намерения говорящего как-либо оскорбить или унижить адресата, оно мотивировано эмоциональным состоянием говорящего и отражает уровень его культуры, воспитанности.

Неприемлемость в речи с точки зрения культуры речи (но не неприличной) сниженную лексику делает не характер ее значения, а неуместность ее употребления в той или иной коммуникативной ситуации.

Бранная лексика содержит резкую обобщенную неодобрительную оценку лица, явления, предмета. Применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица для себя или партнеров по коммуникации («оценка для оценки»). Бранная лексика общественным мнением однозначно осуждается, рассматривается как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах). Но эти единицы не имеют абсолютного запрета на употребление: возможны ситуации, когда общественное сознание может оправдать их использование (например, в крайне эмоциональных ситуациях, в частном общении, в кругу «своих» и т.д.). Ее употребление в публичной коммуникации также осуждается обществом по морально-этическим соображениям и считается сквернословием.

Нецензурная лексика (или иначе – матерщина, матерщинные слова, матерные слова, мат, матизмы) – это предельно экспрессивная лексика (то есть яркие, обращающие на себя внимание слова, сразу выделяющиеся людьми из потока речи и выражающие сильную эмоцию говорящего), признающаяся на данном этапе развития языкового и общественного сознания народа абсолютно недопустимой в публичном общественном употреблении в любой форме устной или письменной речи и в любой коммуникативной ситуации. В общественном употреблении она запрещена полностью, нарушение этого запрета осуждается обществом с морально-этической точки зрения и считается сквернословием. Согласно словарю М. Фасмера, первая часть слова «скверна» восходит к понятиям грязи, нечистоты, навоза, отбросов, порчи и порока. Поэтому нарушение такого запрета производит сильное впечатление на окружающих.

К нецензурной лексике в современном русском языке относят пять слов: наименование мужского полового органа (х...), наименование женского полового органа (п...зда, м...нда), наименование процесса совокупления (е...ть) и женщины распутного поведения (б...дь), а также все образованные от этих слов языковые единицы, однокоренные с названными.

3.4. неприличность формы выражения: общелингвистическое и юридическое понятие

В лингвокриминалистическом анализе текста лингвист-эксперт сталкивается с необходимостью разграничения «юридического» оскорбления, под которым понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 130 УК РК) и речевого (обыденного, бытового) оскорбления.

Неприличная форма высказывания является признаком объективной стороны правонарушения, квалифицируемого как оскорбление. В отличие от клеветы, несущественным является фактор достоверности / недостоверности негативной информации о лице, обязательна неприличная форма выражения.

Понятия *неприличная форма выражения*, *неприличная лексика*, используемые в обыденном, лингвистическом и юридическом словоупотреблении, различаются, не совпадают.

В современном толковом словаре русского языка значения слов *неприличие*, *неприличный* представлены следующим образом:

Неприличие – отсутствие правил приличия; неприличный поступок, действие, поведение. *Груб до неприличия. Счесть за неприличие; посчитать что-нибудь неприличием* (неприличным)²².

Неприличность 1. к Неприличный. *Неприличность выражения, анекдота*. 2. разг. Неприличные, непристойные слова или жесты, поступки. *Говорить всякие неприличности*.

Неприличный 1. Не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный. *Неприличное любопытство. Неприличные манеры. Неприличный тон*. 2. Не соблюдающий правил приличия; неблаговоспитанный. *Неприличная компания*.

Анализ словарных статей показывает, что в словаре слово неприличный синонимично слову непристойный.

Непристойный – крайне неприличный, предосудительный. *Непристойное поведение. Непристойный спор. Непристойное любопытство. Непристойным считается не уступить женщине места*²³.

Как видим, разница между значениями слов *неприличный* и *непристойный* – в степени усиления признака неприличия: непристойный – это

²² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 1998. С. 635.

²³ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 1998. С.635-636.

крайне неприличный. Общим для обоих слов являются смысловые компоненты «не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона» и компонент «предосудительность». «Непристойные слова» – это слова, которые «не пристало» употреблять в «приличном обществе». В последнее время большое распространение получил синоним непристойности – «обsceneные слова» – от англ. obscene. Obscenity, obscene words – от лат. obscenus – «гадкий, отвратительный», в переносном смысле – «грязный, мерзкий, непристойный, безнравственный». В английском языке употребление obscenity подразумевает неприличную сексуальную коннотацию – это «грязные» слова, foul words. В казахском языке obscene лексика именуется как «боқауыз сөз» (слова-дерьмо). Основной разновидностью obscene лексика в русском языке является мат. Иногда obscene интерпретируется как off scene, то есть то, что не следует выставлять на всеобщее обозрение, что, в общем, не противоречит сказанному об этом слове выше.

Таким образом, в русском языке обыденное, нетерминологическое значение слов *неприличный* и *непристойный* формулируется следующим образом: *неприличный* – предосудительный в силу противоречия правилам приличия, хорошего тона; *непристойный* – предосудительный в силу крайнего противоречия правилам приличия, хорошего тона. Эти значения относятся как к поведению людей, так и к их речи (*неприличное / непристойное поведение, неприличное / непристойное выражение*). (Так, двух молодых жителей Атырау, куривших в общественном месте, задержали за неприличные жесты в камеру видеонаблюдения. Это деяние, квалифицируемое как нарушение общественного порядка, в общественном сознании может осуждаться как неприличное, непристойное поведение).

Для обыденного сознания, как отмечалось выше, в равной степени неприличной считается вся ненормативная лексика – и сниженные грубые, и бранные, и нецензурные слова. В связи с этим, руководствуясь своим языковым сознанием, любой носитель языка, в отношении которого была употреблена ненормативная лексика, может посчитать, что она неприлична (непристойна) и что он в результате оскорблен неприличной языковой формой такого высказывания. Это является основанием многочисленных жалоб об оскорблении. С точки зрения обыденного сознания податель жалобы прав (см. значение 1 слов *неприличный* и *непристойный*), но с юридической точки зрения – нет, поскольку в юридическом смысле понятие неприличная языковая форма, согласно официальному разъяснению, предполагает наличие в высказываниях в адрес потерпевшего непристойной лексики, то есть нецензурных слов и выражений: «Оскорбление признается уголовно наказуемым, если унижение чести и достоинства было выра-

жено в неприличной форме: в нецензурных словах, непристойных, циничных действиях, мимике»²⁴. Как поясняет М.А. Осадчий, в рамках судебной лингвистической экспертизы «термины *нормативный* и *ненормативный* приобретают специфическое, точнее – **процедурное судебно-лингвистическое значение**. В судебно-лингвистическом понимании ненормативная лексика – это гораздо более узкая и четкая по составу группа, нежели в общелингвистическом смысле. Необходимо понимать, что любые сужения и конкретизации в понятийно-методологическом аппарате судебной лингвистики обусловлены важным экстралингвистическим фактором: в соответствии с действующим процессуальным законодательством все сомнения толкуются в пользу обвиняемого. В рассматриваемом случае – в пользу нормативности»²⁵. Неприличие языковых выражений предполагает, что неприличными могут быть как форма языкового высказывания (использование неприличных, непристойных слов и выражений), так и содержание высказывания (*неприличный анекдот, сказать непристойность*). Неприличие содержания – это нарушение тематических табу (запретов) в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению. В современной русской лингвокультуре табуированными являются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации. Таким образом, к неприличной форме относят табуированные выражения, которые содержат непристойные смыслы (например, словосочетание «подстилка уличная» имеет в своем значении непристойный смысл, поэтому является неприличным). Табуированная семантика может содержаться в высказывании, полностью соответствующем нормам литературного языка. В качестве примеров М.А. Осадчий приводит следующие высказывания, извлеченные из материалов расследований и доследственных проверок: *«Подозреваю, что дорога во власть депутата Ивановой проложена ее половыми органами»*; *«Образно выражаясь, ситуацию на предприятии можно описать так: прежний директор перед уходом не только снял штаны и продемонстрировал своим рабочим свое упитанное место, но и наделал большую кучу, разбираться с которой пришлось уже новому директору в течение последних трех лет»*; *«Возмущает нескрываемое властолюбие этих святош, которые, наверное, причащаются сухим калом и окропляются уриной власть имущих»*. Данные высказывания, с точки зре-

²⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан: (Особенная часть) Комментарий. – Алматы: ЗАО «Жеті жарғы», 2000. С. 102.

²⁵ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 86.

ния их лексического состава, соответствуют нормам русского литературного языка. Однако наличие генитальных, эксcrementальных образов на уровне семантики позволяет сделать вывод о неприличности приведенных высказываний»²⁶.

Неприличная форма устанавливается на основе анализа лексического значения, словарных помет и речевой ситуации, в рамках которой было осуществлено общение.

Ученые-лингвисты единодушны во мнении, что принцип словарных помет несовершенен и не может быть всеохватывающе применен к экспертной оценке речевых реалий²⁷. Не всегда словари точно отражают современную языковую ситуацию в конкретной лингвокультуре. Словарь всегда отстает от реальной нормы, и это объясняется тем, что язык представляет собой динамичную систему, которая подвергается изменениям каждую секунду. Слова помещаются в новые контексты и в результате приобретают новые оттенки значения или самостоятельные значения. Об этом свидетельствует самый последний словарь В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной («Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь», 2008 г.), в котором дается шесть значений слова «стерва», а не одно, как это представлено в основном в словарях, составленных в более ранние периоды лексикографической практики (у Д.Н. Ушакова, С.А. Кузнецова, Лопатиных представлено одно значение, у Т.Ф. Ефремова – два, у В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (2000 г.) – три и т.д.). В процессе словоупотребления слово способно изменять и свою стилистическую маркировку, а также сферу функционирования. Так происходит сегодня и со словом «стерва», которое попало в тексты песен, в названия книг, кинофильмов и т.д. Результатом этого является размывание сферы его функционирования: из грубо-просторечного оно переместилось в зону просторечного или даже разговорно-сниженного²⁸. В этой связи ученым наиболее правильным видится словарный подход, основанный на группе наиболее жестких стилистических помет – *бран.*, *обсц.*, *груб.-прост.* Очевидно, что лексико-семантические варианты, имеющие пометы *разг.*, *сниж.*, *жарг.*, *сленг*, в силу дискуссионности их статуса, к разряду ненормативной лексики относить нецелесообразно.

²⁶ Осадчий М.А. Указ. работа. С. 86-87.

²⁷ Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3. – Барнаул, 2002. С. 5-14.

²⁸ Меликян В. Ю. Носит ли высказывание «я считаю, что она конченная стерва...» оскорбительный характер? // «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», Ростов-на-Дону, с. 143-162.

Коммуникативная ситуация – это лингвистические условия, в которых прозвучало высказывание. При анализе высказывания в аспекте коммуникативной ситуации акцент делается на структуре речевого события, взаимосвязи высказываний в нем. «В ответ на что прозвучала та или иная фраза?»; «Что спровоцировало говорящего так выразиться?»; «Была ли эта речевая реакция адекватной ближайшему контексту и характеру беседы в целом?» – вот основные вопросы, на которые должен ответить эксперт.

Таким образом, при экспертной оценке основанием для признания высказывания неприличным является установление в высказывании ненормативных и /или табуированных элементов; при этом под ненормативной лексикой понимаются слова и выражения, внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обсценизмов; под табуированными элементами понимаются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации. Иначе говоря, неприличную форму имеет обценная (нецензурная, табуированная) лексика. В связи с этим следует различать оскорбительные высказывания, имеющие неприличную форму и не имеющие таковой. Иными словами, *не всякое* оскорбительное в естественной коммуникации высказывание является неприличным по форме.

Обидеть (оскорбить) человека может и нормативная лексика, выражающая отрицательную оценку лица в презрительной модальности²⁹. Если унижающее человека по содержанию выражение имеет нормативную – *литературную или разговорную* – форму выражения, эта *форма* не может быть признана оскорбительной, поскольку она остается в разряде нормативной, хотя разговорные словоупотребления и могут выглядеть стилистически неуместными в том или ином конкретном тексте (письменном или устном). Слова литературного языка, даже выражающие резко негативную оценку личности, не имеют неприличной формы.

3.5. Речевой акт оскорбления

Речевое поведение, квалифицируемое униженным лицом как «оскорбление», эксперт-лингвист может анализировать как особый тип речевого акта – речевой акт оскорбления. С семантической точки зрения оскорбление содержит два важнейших компонента. Во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-то отрицательная характеристика (вне зависимости от того, соответствует это реальности или нет); во-вторых, эта

²⁹ Подкласс литературных слов, употребление которых может оскорбить человека, приведен в издании «Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами» – М.: Медея, 2004. С. 68-71.

отрицательная характеристика вербализуется (выражается) в неприличной форме (неприличная форма выражения понимается при этом широко: как вся ненормативная лексика и определенная часть нормативной лексики).

Речевой акт оскорбления – одна из форм поведения говорящего, имеющая иллокутивную цель³⁰ обиды. Речевой акт оскорбления имеет следующую структуру³¹.

1. *Участники*

Участник 1 – инвектор (оскорбитель), Участник 2 – инвектум (оскорбленный), Участник 3 – Наблюдатель. Обязательными участниками являются первые два, последний (Наблюдатель) – факультативный участник.

2. *Иллокутивная цель высказывания* – Участник 1 пытается причинить ущерб Участнику 2 в области психики.

3. *Условия успешности инвективного акта*. Участник 1 знает, что высказывание X может причинить ущерб Участнику 2 и хочет, чтобы Участник 2 знал, что в отношении Участника 2 Участником 1 произведено инвективное высказывание.

4. *Инвактивное высказывание X*. Высказывание, выполняющее функцию инвективы.

В целом речевое поведение оскорбления возможно описать следующей формулой:

- А) знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб;
- Б) хочу, чтобы ты знал, что я говорю X;
- В) говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб.

Наличие четырех структурных компонентов обязательно для инвективного речевого акта или, другими словами, акта оскорбления; отсутствие какого-либо компонента лишает речевой акт названного статуса.

Например, *отсутствие «условия ущерба»*.

– Очевидно, что если инвектум не знает о том, что X способно причинить ущерб, то происходит коммуникативная неудача. Пример такой коммуникативной неудачи часто обыгрывается в кинофильмах и литературе, так, в повести Л. Лагина старик Хоттабыч называет Вольку балдой, не зная условий употребления данной лексемы. Очевидно также, что если человек является несведущим в области русской матерной лексики, но употребляет ее, то «условие ущерба» не выполняется.

³⁰ Произнося свое высказывание в определенных условиях общения, говорящий преследует определенную, иллокутивную, цель, проявляет намерение, ради которого он делает высказывание.

³¹ Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. С. 95-99.

– Знание о том, что X не может причинить инвектуму ущерб, также переводит данные речевые акты в разряд нейтральных речевых актов оценки (или воздействия). Такие речевые акты возможны между друзьями, другими словами – между коммуникантами, у которых общение при помощи инвективных высказываний регулярно и является коммуникативной нормой.

Отсутствие «условия стремления к реальному результату оскорбления»

Так, в дистантном оскорблении уверенность инвектума в том, что Наблюдатель не передаст, что относительно инвектума было произведено определенное высказывание, переводит произведенный речевой акт в разряд оценок.

А) Знаю, что X способно причинить ему ущерб.

Б) Не хочу, чтобы он знал, что я говорю X.

В) Говорю тебе X о нем.

Г) Говорю X для того, чтобы ты знал, как я его оцениваю.

Иллокутивная цель высказывания соотносится с понятием коммуникативное намерение. Коммуникативное намерение унизить, оскорбить однозначно определимо в том случае, когда высказывание обладает следующими признаками:

1) содержанием высказывания является резко негативная оценка лица;

2) высказывание должно быть обращено к этому лицу, адресовано ему;

3) высказывание должно иметь неприличную форму.

Приведем исторический пример речевого акта оскорбления.

По свидетельству историка В.О.Ключевского, 9 июня 1762 г. за парадным обедом по случаю невыгодного для России мирного договора с Пруссией император Петр III (внук Петра I) провозгласил тост за императорскую фамилию. Императрица Екатерина выпила свой бокал сидя. На вопрос Петра, почему она не встала, она отвечала, что не считает это нужным, так как императорская фамилия вся состоит из императора, из нее самой и их сына, наследника престола. «А мои дяди, принцы Голштинские?» – возразил Петр и приказал стоящему у него за креслом генерал-адъютанту Гудовичу подойти к Екатерине и сказать ей **бранное** слово. Но, опасаясь, как бы Гудович при пересказе не смягчил этого неучтливового слова, Петр сам выкрикнул его через стол во всеуслышание. Императрица расплакалась³².

³² Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990. С. 245.

Историк не назвал само слово, поэтому нельзя утверждать, исходя из современной юридической квалификации инвективы, что оскорбление имело неприличную форму. Но описание коммуникативной ситуации и указание на то, что это слово было бранным (т.е. содержащим негативную оценку лица), обращенным к лицу и выражающим намерение говорящего унижить лицо, позволяет квалифицировать данный речевой акт как оскорбление.

Рассмотрим пример из экспертной практики автора. После окончания судебного заседания, на котором было оглашено решение суда по иску гражданина С. по имущественному спору, гражданин С. выкрикнул следующую фразу адвокату К. выигравшей стороны: «Ты хуёвый адвокат! Понятно, что просто купили тут всех!» Адресат высказывания обратился с жалобой об оскорблении. На разрешение были поставлены вопросы: 1. Содержится ли негативная информация о лице К. в высказывании «Ты хуёвый адвокат!» и имеет ли это высказывание оскорбительный характер?; 2. Выражена ли информация в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в официально-деловом или неофициальном общении?

Ответы: 1. «В анализируемом высказывании содержится негативная информация о К., которая представлена в форме речевого акта оскорбления. Употребление нецензурного слова *хуёвый* в сочетании со словом *адвокат*, адресованное конкретному лицу, формирует особый вид речевого поведения, который называется «оскорбление». Данное речевое поведение имеет следующую структуру:

- А) знаю, что X способен причинить тебе психологический ущерб;
- Б) хочу, чтобы ты знал, что я говорю X;
- В) говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб.

Наличие речевого акта оскорбления предполагает наличие отрицательной оценки поступков, действий, деятельности человека, а также его личности.

Тот, кто производил это высказывание, как носитель языка знает, что нецензурное слово *хуёвый* способно унижить (обидеть) лицо. Чтобы избежать нанесения моральной травмы, можно было употребить неинвективные оценки («вы плохой адвокат»; «адвокат из вас никакой»), однако говорящий использует для оценки нецензурную лексику.

2. Приведем классификацию типов оскорбительных (инвективных) ресурсов русского языка:

- 1) мат (обценная лексика);
- 2) сниженная лексика (сленг, жаргонизмы, диалектизмы, вульгаризмы, просторечие);

- 3) грубопросторечная (бранная) лексика;
- 4) литературная лексика, выражающая отрицательную оценку в презрительной модальности.

К неприличным средствам русского языка относятся табуизированные (запрещенные) во всех контекстах русского языка слова и выражения, к которым относятся:

- обценные (матерные, нецензурные) слова и выражения;
- слова и выражения, несущие непристойные смыслы.

В состав выражения «хуёвый адвокат» входит матизм *хуёвый*, поэтому это выражение является неприличным.

Отвечая на первый вопрос, эксперт описывает саму ситуацию использования речевого акта и на собственно лингвистических основаниях указывает на то, что речевое событие, которое имело место в действительности, является речевым актом оскорбления. Юрист оценивает произошедшую ситуацию юридически; другими словами, он вынужден решать следующий вопрос: «Достаточно ли тех признаков, которые были выявлены лингвистом и называются словом «оскорбление», для квалификации данной ситуации как преступного деяния, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление»?³³

3.6. Диагностические признаки оскорбления

Если выражение содержит нецензурные слова, оно однозначно признается непристойной формой выражения мысли. Даже восклицание «Блядь!» как гневный («монологический») возглас человека, ударившегося головой о притолоку, привлечет наше внимание именно формой выражения эмоции, но в этом случае мы наблюдаем неинвективное употребление нецензурной лексики.

Наличие в высказывании бранной и нецензурной лексики автоматически не характеризует соответствующее высказывание как наносящее оскорбление адресату, унижающее его честь и достоинство. Например, в высказывании: «Пиздец! Учителя физкультуры на управление внутренней политики» содержится неприличное слово, которое не относится к конкретному лицу и рассматривается как междометное употребление obscene-ного слова, цель которого – передача эмоционального состояния говорящего.

³³ Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. С. 81-82.

Употребление человеком в своей речи в общественном месте, в чьем-либо присутствии нецензурных (непристойных) выражений может быть адресным и безадресным. Как поясняет проф. И.А.Стернин, если непристойная форма не адресована конкретному лицу – это мелкое хулиганство, такое словоупотребление негативно характеризует говорящего и оскорбляет окружающих фактом своего употребления, которое не допускается в общественном месте. В случае публичного употребления нецензурной лексики говорящий может быть подвергнут административному штрафу как за мелкое хулиганство (оскорбление общественной нравственности, но не конкретного лица). Но чтобы за использование нецензурных выражений юридически осудить или наказать человека, вменив ему оскорбление того или иного лица, необходимо, чтобы был удовлетворен еще ряд условий. Специалистами справедливо подчеркивается, что само по себе употребление непристойных слов и выражений «еще не дает оснований для правового вмешательства. Оно возможно и правомерно только в тех случаях, когда:

- а) прямо адресовано конкретному лицу или группе лиц;
- б) при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;
- в) инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т.е. дается обобщенная оценка его личности»³⁴;
- г) выражение употреблено публично.

Иными словами, факт сквернословия в адрес кого-либо еще не является доказательством того, что в данном случае налицо оскорбление адресата (унижение его чести и достоинства). Оскорбление еще необходимо доказать, установив путем анализа соответствующей коммуникативной ситуации целый ряд его признаков.

Приведем пример из исследовательской практики проф. И.А. Стернина³⁵.

«Подсудимый после оглашения приговора в судебном заседании, выходя из зала, сказал в дверях: «Судья – идиот!»

Является ли это выражение оскорблением судьи? Рассмотрим последовательно лингвистические признаки оскорбления.

1. Присутствуют ли в тексте негативные высказывания о лице, то есть высказывания, негативно его характеризующие? – *Судья-идиот* – негатив-

³⁴ Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз / под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Галерея, 2002. С. 340.

³⁵ Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание). 2006. Электронный ресурс.: <http://sternin.adeptis.ru/articles2rus.html>.

ное высказывание, оно сообщает о судьбе негативную информацию.

2. Адресовано ли это высказывание лично судьбе? – Нет, оно лично судьбе не адресовано, характеризует его косвенно, будучи произнесено в качестве оценки в зале судебного заседания после завершения слушания дела.

3. Характеризует ли негативное высказывание лицо в целом, обобщенно, как личность? – Да, выражение является обобщающей характеристикой.

4. Является ли это негативное высказывание оскорбительным для судьи по содержанию? – Оскорбление – это унижение лица в неприличной языковой форме. Анализируемое выражение наносит судьбе обиду: применительно к нему публично использовано бранное слово (инвектива), а брань морально осуждается общественным сознанием; явно нарушены нормы вежливости (резкое неодобрение характеризует статусное, высокопоставленное лицо); подсудимый публично, в общественном месте, понизил общественный и интеллектуальный статус судьи. Однако при этом анализируемое высказывание не является оскорблением судьи, поскольку оно по содержанию не содержит порочащей судью информации, оно представляет собой субъективное оценочное мнение, а не утверждение о моральных изъянах судьи или нарушении судьей моральных норм или законодательства (см. выше, пункт 2).

5. Имеет ли анализируемое негативное высказывание неприличную языковую форму? – Слово *идиот* – это стилистически разговорное слово, оно не принадлежит к ненормативной лексике и не является нецензурным (непристойным) и, следовательно, не имеет статуса оскорбительной языковой формы в юридическом смысле слова.

6. Высказано ли оскорбление публично? – Выражение употреблено в общественном месте – в суде, то есть публично.

Таким образом, спорное высказывание имеет только три признака из шести, позволяющих говорить об оскорблении, причем отсутствуют как раз основные признаки; все необходимые дифференциальные признаки оскорбления в своей совокупности не представлены. В связи с этим с юридической точки зрения высказывание «Судья-идиот» не выступает как оскорбление судьи.

Таким образом, понятия «неприличная языковая форма» и «оскорбление» с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия, что необходимо разъяснять обвинителям и обвиняемым по делам об оскорблении, истцам и ответчикам по делам о защите чести и достоинства и учитывать при подготовке лингвистических экспертиз. Неприличная языковая форма констатируется для любого случая публич-

ного употребления нецензурных слов, что, однако, не означает автоматически признания данного выражения оскорблением определенного лица, так как оскорбление предполагает целый ряд других диагностических признаков».

Для наглядного представления лингвистической квалификации оскорбительных высказываний приведем примеры из материалов судебной и консультационной практики автора, которые распределим в три группы, различающиеся средствами выражения конфликтной информации.

Группа А

Пример 1. Приводится фрагмент официального заявления-жалобы гражданки Г. Генеральному прокурору РК.

Я уверена, что я не первая и не последняя жертва «комбинатора в прокурорском мундире».

Пример 2. Адвокат М., защитник обвиняемого А., в ходе предварительного следствия допустил в отношении следователя следующее высказывание: *«Щенок! Будешь ты мне диктовать, что мне делать!»*. Адвокат намного старше следователя. Следователь сообщил адвокату о своем намерении обратиться в суд с жалобой об оскорблении. Адвокат М. обратился к лингвисту с вопросом о наличии признаков неприличия данной номинации лица, оскорбительного характера высказывания.

Пример 3. По свидетельским показаниям зафиксирован фрагмент коммуникации в коридоре здания районного суда после окончания судебного заседания. Анализируемая фраза: *«Ты, старая кошелка, пошла вон отсюда...»* была высказана представителем истца представителю ответчика, который, в свою очередь, сообщил о намерении обратиться в суд с жалобой об оскорблении. Представитель истца обратился к лингвисту с вопросом, является ли это высказывание неприличным (спорный фрагмент – выражение *старая кошелка*).

Пример 4. В газете опубликовано: *«Между тем, не обошлось и без действия так называемых провокаторов. В то время как на трибуне выступали оппозиционеры, среди народа толкался и кричал небезызвестный Б.Г. Что именно он кричал, мало кто слушал»*. Истец Г. обратился в суд с жалобой о привлечении говорящего к уголовной ответственности по ст. 130 УК РК, посчитав выражение так называемые провокаторы оскорбительным для себя.

В основании примеров **группы А** лежат высказывания, в которых объекты вербальной характеристики обозначены негативно-оценочными лексическими единицами, которые относятся к литературной лексике, но используются с разными намерениями.

В примере 1 в составе спорного оценочного выражения «*комбинатор в прокурорском мундире*» слово **комбинатор** используется в значении ‘тот, кто склонен к комбинациям, кто достигает успеха путем сложных комбинаций, ухищрений’³⁶. В свою очередь, значение слова **комбинация** – ‘сложный замысел, целый ряд ухищрений, уловок для достижения каких-либо целей’³⁷. В словарной статье слово комбинатор имеет при себе стилистическую помету *шутл.* (*шутливое*), означающую, что в слове содержится соответствующая эмоциональная оценка обозначаемого лица. Семантический анализ текста заявления позволяет сделать вывод скорее не о шутовском, а об ироническом употреблении этого выражения, на что указывают и кавычки, в которые это выражение заключено. Ироническое выражение *комбинатор в прокурорском мундире* содержит неодобрительное мнение о человеке (субъект оценки считает себя жертвой комбинатора). При помощи иронии заявитель через оценочную номинацию лица передает свое понимание событий, явлений, действий, поступков лица. При этом оценка имеет под собой определенную фактическую основу: преобладающая часть заявления-жалобы содержит изложение фактических обстоятельств дела (речь в жалобе идет об имущественном и земельном спорах), и оценочное выражение *комбинатор в прокурорском мундире* следует по их поводу, т.е. оценка неразрывно связана с содержанием событий (явлений), действий прокурора С.; иначе говоря, оценка мотивированная (обоснованная).

Оценочное выражение прямо не адресовано объекту характеристики.

Выражение литературное; не относится к ненормативной (сниженной, бранной, нецензурной) лексике и не является неприличным.

В примере 2 фраза: *Щенок!* адресована конкретному лицу, в ней разговорно-сниженное слово **щенок** используется в переносном значении ‘о молодом, неопытном в каком-либо деле человеке’. Эта зоометафора выражает не только указанную оценку адресата речи (возраст + неопытность лица), но и грубую экспрессию неодобрения, пренебрежения, то есть используется здесь как бранное слово, но при этом входит в систему литературного языка. Говорящий знает, что это слово в русском языке «обслуживает» бранные контексты и обладает способностью вызывать у слушающего чувство обиды, унижения. При этом у говорящего был выбор, как указать на статусные отношения (*Помолчи! Молод еще...*). Таким образом, говорящий, зная об инвективной способности этой метафоры,

³⁶ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002. С. 444.

³⁷ Там же, с. 444.

тем не менее ее употребляет. Иначе говоря, данное речевое поведение лица можно рассматривать как речевое (обыденное) оскорбление. Неприличной формы в данном случае нет.

В примере 3 выражение *старая кошелка* адресовано конкретному лицу. Разговорно-просторечный фразеологизм *старая кошелка* в современном русском языке употребляется в значении 'о немолодой женщине'³⁸, имеет стилистическую помету *презр.* ('презрительное'). Семантическая структура этого фразеологизма содержит два компонента значения: описательное, обозначающее возраст и пол лица, и эмоционально-оценочное, выражающее чувство говорящего и придающее слову дополнительную негативную эмоционально-оценочную окраску. Рассматриваемый фразеологизм образует синонимический ряд с другими фразеологизмами со значением «пожилой, преклонный возраст». При этом, как было отмечено выше, наблюдается соединение данной семы с семами, отражающими различные негативные свойства характера, внешнюю непривлекательность, образ мышления и т.д. Например: *старая калоша* 'о пожилой женщине'; *старый колпак* 'о ретрограде', *старый (трухлявый) пень* 'о старом, дряхлом человеке', *старая карга* 'о злой безобразной старухе' (карга – от тюркского карга – ворона), *старая вешалка*, *старая перечница* 'о злой, сварливой женщине' и др. При использовании фразеологизма *старая кошелка* передается информация о лице пожилого возраста и женского пола; дополнительная эмоционально-оценочная окраска выражения создается за счет ассоциативно-образного, метафорического переосмысления значения словосочетания *старая кошелка* (кошелка 'плетеная сумка, корзина') = 'старая вещь', в результате которого фразеологизм приобретает оттенок презрения, пренебрежения. Именно авторская экспрессия (эмоциональное состояние говорящего), выраженное метафорическим использованием выражения *старая кошелка*, может быть воспринято как унижение достоинства. Инвективный потенциал обращения к лицу усиливается и грубой формой требования удалиться. Рассматриваемое выражение относится к литературной лексике и не имеет неприличной формы.

Возможен и анализ высказывания в аспекте коммуникативной ситуации его использования, но для этого необходимы дополнительные материалы. Эксперту могут быть поставлены вопросы: «В ответ на что прозвучала эта фраза?»; «Что спровоцировало говорящего так выразиться?». Ответы на эти вопросы могли бы способствовать установлению коммуникативного намерения говорящего.

³⁸ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

По примеру 4 эксперт отметил следующее. Квалифицировать любое высказывание с точки зрения проявления в нем оскорбления как вида агрессии возможно только в том случае, если лингвист в ходе анализа опирается на *контекст* речевой ситуации, т.е. анализирует *конкретные* условия общения: место, время, состав участников, их намерения, отношения между ними и т.д. Рассматриваемая коммуникация происходит на газетной полосе (то есть в СМИ); большая по объему публикация посвящена митингу оппозиционной партии; в ней описываются события, связанные с этим митингом (условия, участники, их поведение, реакция правоохранительных органов и т.д.), даются комментарии автора. Коммуникативное намерение автора публикации – информировать читателей о прошедшем митинге, описать положение дел и выразить свое отношение к изложенным событиям. Анализируемый фрагмент отражает «кусочек» описываемых событий. Спорная фраза содержит следующие пресуппозиции: ‘Существуют так называемые провокаторы; один из них действовал и тут (на митинге)’. В контексте абзаца слово *провокатор* используется в переносном значении ‘тот, кто подстрекает кого-н. к чему-н. нежелательному, неприятному по своим последствиям’³⁹. Это слово дает оценку лицу по его действиям, подтверждаемую их описанием (*среди народа толкался и кричал...*). Подобные действия участника митинга соответствующими органами могут быть квалифицированы как невыполнение организаторами митинга обязательства по обеспечению общественного порядка и могут стать поводом для применения санкций, поэтому такое поведение лица трактуется журналистом как провокационное.

Оценочное выражение прямо не адресовано объекту номинации; во фразе отсутствует направленность на причинение коммуникативного вреда истцу. Относясь к литературной лексике, слово *провокатор* дает негативную оценку лица, мотивированную его действиями. Иными словами, выражение оценочной номинации лица имеет приличную форму.

Все рассмотренные оценочные выражения имеют нормативную – литературную или разговорную – форму выражения. Есть лингвистические основания говорить о наличии оскорбления в высказываниях 3, 4, но нет оснований юридических, поскольку форма их выражения, оставаясь в разряде нормативной, не может быть признана оскорбительной. Нет лингвистических и юридических оснований говорить о наличии оскорбления в спорных высказываниях 1,4.

Для оскорбления человека используется *инвективная лексика*, в которую входят как литературные, так и внелитературные, бранные слова и выражения.

³⁹ Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999, с. 606.

В оппозиции к инвективной лексике находится лексика *неинвективная*, которая является экспрессивной, т.е. содержит в себе негативную оценку и /или эмоционально-экспрессивный компонент, но намерения оскорбить или унижить адресата не предполагает. Эту лексику нужно различать, потому что в правоприменительной практике в делах об унижении чести и достоинства субъекты обращения видят «вербальную агрессию» там, где ее нет, приписывают авторам текстов умышленное и сознательное намерение (умысел) унижения или оскорбления адресата общения или даже аудитории общения. При этом употребление просто оценочных (экспрессивных) слов и выражений отождествляется с сознательным оскорблением (сознательной инвективой), как это наблюдается в интерпретации высказываний, приведенных в примерах 1, 4.

Группа Б

Пример 1. Содержание спорного высказывания рассматривается не изолировано, а в рамках вопросо-ответного диалогического единства, а также в рамках всего текста интервью. (Предложения ответа пронумерованы нами, сокращение собственных имен наше. – Р.К.). В газете опубликовано:

– *Е.Т., на вас многие коллеги жалуются. Вот и письмо «наверх» организовали...*

– (1). *У нас творческая организация – люди несут все, что угодно.* (2). *Они как были придурками, так и остались.* (3). *Вы это напечатаете, а я подам на вас в суд.* (4). *По таким письмам нас шесть месяцев уже проверяла финполиция.* (5). *Я могу предоставить вам результаты проверки.* (6). *Представляю, какую ерунду могли написать!*

Пример 2. По свидетельским показаниям реконструирован фрагмент непубличной коммуникации двух бывших супругов дома (в квартире) и на лестничной площадке. Субъект высказываний – бывший супруг хозяйки квартиры, использовал в отношении высказывания: «Сука!», «Сволочь!», «Стерва!», «Дура набитая», «Больная на голову». Женщина обратилась в суд с жалобой об оскорблении.

Пример 3. Бывшая супруга в общении с бывшим супругом (см. пример 2) «обменялась любезностями», используя высказывания «ненормальный», «дурак», «дебил». Последний подал встречную жалобу об оскорблении.

В основании примеров **группы Б** лежат высказывания, в которых объекты вербальной характеристики обозначены бранными словами и выражениями.

В **примере 1** конфликтное высказывание рассматривается в контексте всего вопросо-ответного единства. В предложении (1) ответной репли-

ки Е.М. выражены причинно-следственные отношения. Подставим союз: *У нас творческая организация (и поэтому) люди несут все, что угодно*. В придаточной части иронически используется слово творческая (творческий – т.е. «свойственный человеку, наделенному способностью творить, создавать что-либо»). Под творческой деятельностью говорящий подразумевает написанное его коллегами письмо. Предикат *несут все что угодно* выражает значение «говорят (пишут) глупости, что-л. пустое, неразумное»⁴⁰.

В предложении (2) при помощи слова *придурок* дается негативная характеристика авторов жалобы по их действию: люди пишут (говорят) глупости. В предложении (3) выражено категорическое нежелание говорящего того, чтобы эта оценка стала известной всем, в том числе и авторам жалобы. У говорящего нет коммуникативного намерения (т.е. умысла) унижить их, причинить им психологический ущерб (журналист игнорирует это требование и публикует ответную реплику полностью). В предложении (4) скрыта пресуппозиция «было несколько писем-жалоб» и открыто приводятся сведения о последствиях этих жалоб (шестимесячная проверка финполицией). Во фразе (5) предложение Е. М. предоставить журналисту результаты этой проверки предполагает, что результаты эти явились для проверяемой организации положительными (иными словами, содержание того, что люди говорят/пишут, не нашло своего подтверждения). Поэтому в предложении (6) говорящий оценивает содержание письма-жалобы как ерунду (ерунда – «вздор, пустяки, нелепость»).

В толковых словарях русского языка слово *придурок* определяется как «придурковатый человек»; в свою очередь, слово *придурковатый* – как «глуповатый, бестолковый»; *придурь* – «с причудами, с придурковатостью, с норомом», «некоторая глупость, умственная ограниченность»⁴¹. Слова *придурок*, *придурковатый* имеют стилистические пометы *разг.-сниж.*, *разг.*, *прост.* Разговорная лексика, несмотря на свою «сниженность», не выходит за пределы лексики литературного языка. Текст интервью содержит фактологическую информацию, которая может служить обоснованием негативной оценки говорящим авторов жалобы. Таким образом, анализ контекста употребления спорного высказывания подводит к следующим выводам: 1) оценка прямо не адресована конкретному лицу (лицам); 2) у говорящего отсутствует коммуникативное намерение оскорбить авторов жалобы; 3) оценочное слово *придурки* относится к разговорно-сниженной

⁴⁰ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002. С. 642

⁴¹ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002; Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999, соответствующие словарные статьи.

лексике, то есть не относится к неприличным словам; 4) оценка мотивирована. Лингвистический анализ макро- и микроконтекста употребления оценочного высказывания показывает, что оно не может квалифицироваться как речевой акт оскорбления.

В примере 2 приведены высказывания «*Сука!*», «*Сволочь!*», «*Стерва!*»

Приведем словарные толкования этих слов.

Сука – 2. Грубо. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно женщине). Это просторечное слово относится к разряду так называемых зоосемантических метафор, содержит негативную оценку адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, экспрессии, презрения, пренебрежения. Оставаясь в рамках литературного языка, относится к бранной лексике; **Сволочь** – 1. Грубо. Скверный, подлый человек; негодяй; **Стерва** – Бранно. Подлый, мерзкий человек (о женщине)⁴².

Указанные слова прямо адресованы женщине и содержат отрицательную оценку ее личности. Тем самым они формируют особый вид речевого поведения, который называется «оскорбление» (структуру речевого акта оскорбления см. выше). Эти слова не являются нецензурными (матерными и непристойными), поэтому не могут быть признаны неприличными.

Выражения «*Дура набитая*», «*Больная на голову*» также прямо адресованы женщине. Приведем их словарные толкования.

Дура набитая – бранное выражение, используемое в значении ‘очень глупая женщина’ (дура – разг. ‘глупая, тупая женщина’). Усилительный эпитет набитая подразумевает, что голова объекта набита мякиной (соломой, опилками и др.). Важным подтверждением стилистической квалификации слова является иллюстративный материал: «– *Спроси-ка! – продолжал Беляев. – Твоя Пелагея, такая дура набитая, водит их по кондитерским и устраивает там свидания с папашенькой. Но не в этом дело, дело в том, что папашенька страдалец, а я злодей, я негодяй, разбивший вам обоим жизнь...*» (А.Чехов. Житейская мелочь)⁴³.

Рассматриваемое выражение относится к разговорной лексике, которая принадлежит литературному языку и не имеет неприличной формы.

Больная на голову – просторечное устойчивое выражение из числа «медицинских» метафор, используемое для негативной характеристики человека, совершающего, с точки зрения говорящего, неразумные, ненормальные поступки.

⁴² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002, соответствующие словарные статьи.

⁴³ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002. С. 288.

Таким образом, все указанные слова и выражения прямо адресованы лицу. При использовании слов *сука*, *сволочь*, *стерва* наблюдается речевой акт оскорбления, поскольку эти слова являются бранными, но при этом входят в систему литературного языка. Выражения *дура набитая*, *больная на голову*, относясь к разговорной и просторечной лексике, не имеют неприличной формы и являются цензурными способами выражения отрицательной оценки лица.

По примеру 3. Высказывания «ненормальный», «дурак», «дебил», приведены в тексте встречной жалобы. В словарях русского языка эти слова имеют следующие значения:

Ненормальный – 2. Разг.-сниж. Ведущий себя неподобающим образом; странный⁴⁴.

Дурак – Разг. Глупый, тупой человек⁴⁵.

Дебил – Мед. 1. Человек, страдающий врожденным психическим недоразвитием – олигофренией (в относительно легкой степени). 2. Разг. Бран. Глупый человек, тупица; **Дебил** – 2. Бранно. О тупом, несообразительном человеке⁴⁶.

Слова *ненормальный*, *дурак*, *дебил* прямо адресованы бывшему мужу, выражают отрицательную оценку его личности. Слово *дебил* используется в качестве метафорического обозначения лица как душевнобольного человека, который совершает неразумные поступки. Стилистически все слова относятся к разговорным словам, не принадлежат к ненормативной лексике, не являются нецензурными (непристойными) и, следовательно, не имеют статуса оскорбительной языковой формы ни в лингвистическом, ни в юридическом смысле слов.

Согласно материалам дела, использование высказываний, приведенных в примерах 2, 3, наблюдалось в ситуации взаимной брани. Однако в материалах дела не отражена последовательность их употребления, что лишило эксперта возможности рассмотреть их в совокупности как цельное диалогическое единство и определить, какое бранное выражение было репликой-стимулом (первичным), какое – репликой-реакцией (ответным). По мнению М.А. Осадчего, ответное бранное высказывание не может быть само по себе оценено как приличное или неприличное. В ситуации взаимной брани акт нарушения приличия совершается в момент произнесения первичного бранного высказывания, именно оно пересекает границу нор-

⁴⁴ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002.

⁴⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т.3. М., 1981.

⁴⁶ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., «Норинт», 2002.

мы и выводит коммуникативное событие в целом за пределы нормативности. Признак нормативность / ненормативность наследуется ответным бранным высказыванием от стимульного высказывания, то есть ответное высказывание принимает нормативно-стилистические признаки по инерции, не являясь их источником и полноценным носителем. Можно сказать, что неприличной формой характеризуется весь комплекс 'X! – Сам ты X!' в целом. Однако в практике правоприменения такой подход невозможен, поскольку подобный диалог включает два высказывания, произнесенные двумя разными субъектами речи, действиям каждого из которых должна быть дана самостоятельная оценка. М.А. Осадчий предлагает при наличии трех ограничений следующий вариант оценки подобного коммуникативного события: стимульно-ответная конструкция 'X! – Сам ты X!' является неприличной, при этом моментом нарушения коммуникативных норм приличия является высказывание X, а высказывание «Сам ты X!» не может быть оценено на предмет приличности / неприличности»⁴⁷.

Группа В

Пример 1. По свидетельским показаниям реконструирован фрагмент коммуникации на территории оптового рынка. Гражданка Ж. в отношении гражданки Т. произнесла высказывания «хуй тебе», «ебёт тебя». Гражданка Т. обратилась в суд с жалобой о привлечении говорящей к ответственности по ст. 129 УК РК.

Пример 2.

По свидетельским показаниям реконструирован фрагмент коммуникации на детской площадке во дворе жилого дома.

– *Что же вы тут собаку выгуливаете! Тут дети играют, сейчас влезут в собачье дерьмо!*

– *Да пошла ты на хуй, сука ёбаная!*

Жительница дома, сделавшая замечание жителю соседнего дома, обратилась в суд с жалобой о привлечении его к ответственности по ст. 130 УК РК.

Пример 3.

Из материалов дела реконструируется следующая ситуация. Служащая компании утром опоздала к месту остановки служебного автобуса. Она на такси догнала автобус и, войдя в него, высказала свое недовольство водителю. Ее высказывание послужило для водителя автобуса поводом об-

⁴⁷ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 89-93.

ратиться в суд с жалобой о привлечении служащей к ответственности по ст. 130 УК РК.

Лингвистом были исследованы два варианта высказывания:

1) *Долбоёб, что не мог подождать 2 минуты?»* (из текста жалобы об оскорблении).

2) – *Что, не мог подождать 2 минуты? ... Долбоёб* (тихо, в сторону).

– *Что ты сказала?*

– *Ничего* (из текста протоколов допроса свидетелей и обвиняемой).

В основании примеров **группы В** лежат высказывания, в которых используется неприличная инвектива – нецензурные слова и выражения.

По примеру 1: анализируемые конструкции характеризуются как ненормативные, поскольку лексемы «хуй», «ебет» относятся к разряду обценной (матерной) лексики русского языка:

– *хуй тебе (ему, ей, вам, им)* – употр. в качестве грубого решительного отказа;

– *ебёт тебя – ебёт что кого* – волнует, беспокоит⁴⁸.

Как показывает семантика этих высказываний, в них содержится выражение недовольства, несогласие одного лица действиями другого лица. Эти выражения не формируют образ адресата, не корректируют его ни в лучшую, ни в худшую сторону, то есть не характеризуют его; характеризуются как ненормативные, обценные (матерные). Употребление данных выражений по отношению к человеку является неприличным с морально-этической точки зрения, однако адресованность неприличного высказывания сама по себе не формирует события унижения чести и достоинства адресата⁴⁹. Если *честь* определяется как общественная оценка лица, мера его духовных и социальных качеств, а *достоинство* – как внутренняя самооценка лицом собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения⁵⁰, то отсутствие в высказывании *оценки* лица, изменяющей общественную оценку лица, а также его самооценку в худшую сторону свидетельствует об отсутствии события унижения чести и достоинства адресата. Исходя из представленных на исследование мате-

⁴⁸ Толковый словарь ненормативной лексики русского языка / Квеселевич Д.И. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. С. 204.

⁴⁹ Осадчий М.А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 73.

⁵⁰ Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 18 декабря 1992 года № 6 «О применении в судебной практике законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц»

риалов уголовного дела, в т.ч. текстов заявлений с объяснениями обстоятельств дела, можно сделать вывод о том, что исследуемые выражения не содержат негативной обобщенной оценки личности, а в данной конкретной ситуации используются в качестве решительного отказа, выражения недовольства поведением личности.

В примере 2 приведено бранное высказывание, в котором объектом вербальной характеристики является женщина, названная инвективоматизмом *сука ёбаная*. Образ женщины, формируемый этим выражением, изменяется в худшую сторону; его употребление наносит психический ущерб адресату неприличной формой. Употребление нецензурного выражения, если оно адресовано конкретному лицу, формирует особый вид речевого поведения, который называется «оскорбление»

Оскорблением для адресата выступает и само бранное высказывание: *Да пошла ты на хуй*, унижающее адресата, однако это выражение не содержит характеристики (оценки) адресата, а в неприличной форме выражает побуждение (ср. замену матизма на нейтральное: *Отстань!*)

Обе фразы **примера 3** рассматривались как два речевых действия (речевых акта), имеющих свои особенности. Поскольку речевой акт – это вид действия (вид поведения говорящего), то при его анализе используются по существу те же категории, которые необходимы для характеристики и оценки любого действия: субъект, цель, способ, инструмент, средство, результат, условия и т.п. Субъект речевого акта – говорящий производит высказывание, как правило, рассчитанное на восприятие его адресатом – слушающим. Высказывание выступает одновременно и как продукт речевого акта, и как инструмент достижения определенной цели. В зависимости от обстоятельств или от условий, в которых совершается речевой акт, он может либо достичь поставленной цели и тем самым оказаться успешным, либо не достичь ее.

Оба высказывания (без слова *долбоеб*) представляют собой речевой акт упрека, то есть в обоих случаях коммуникативным намерением говорящей было стремление высказать упрек. Упрек в русском языке – это самостоятельный речевой акт, в котором говорящий косвенно (имплицитно) выражает отрицательную оценку поступка, поведения адресата, намереваясь оказать эмоциональное воздействие на адресата с целью приведения межличностных отношений в состояние, которое отвечало бы интересам упрекающего. Упрек представляет собой тип конфликтного общения, может быть выражен различными языковыми средствами. В рассматриваемом случае интенция (намерение) упрека выражена риторическим вопросом *Что, не мог подождать 2 минуты?*, который содержит скрытое

утверждение «Мог подождать 2 минуты». Эта интенция вычисляется также и из содержания предшествующего невербального контекста, т.е. всех обстоятельств совершения речевого акта.

Значимым для задач исследования признаком употребления обеих фраз является то, что в обоих возможных вариантах фигурирует обсценное (матерное) слово русского языка *долбоёб*. Это нецензурное слово используется для негативной характеристики адресата в нескольких значениях, одно из которых – ‘чрезвычайно глупый и упорствующий в своей глупости человек (электронный ресурс: <http://www.slovoborg.ru/definition>). Если это и подобные обсценные слова адресуются конкретному лицу, то употребляются в составе инвективного высказывания в речевом акте оскорбления. Именно такое действие наблюдается в речевом акте – первом высказывании, где слово *долбоёб* используется в начале предложения (высказывания-упрека) в качестве обращения и обозначает то лицо, к которому обращена речь, то есть водителя автобуса.

Во втором случае, как следует из представленных материалов, между рассмотренным высказыванием и последующим употреблением обсценизма наблюдалась пауза. Слово было произнесено тихо и в сторону, то есть инвективный речевой акт был произнесен таким образом, что у инвектума не было возможности его услышать. Обсценизм *долбоёб* не был адресован водителю и был использован для негативной оценки лица без коммуникативного намерения оскорбить, причинить психологический ущерб лицу. На это указывает и содержание диалога, установленное из показаний свидетелей: «Что ты сказала? – Ничего».

Поскольку решение поставленной задачи было связано с исследованием косвенных источников и спорное высказывание было представлено двумя вариантами, выводы по решению экспертной задачи были сформулированы как условные: 1) Если слово *долбоёб* в составе вопросительной фразы, выражающей упрек: «Долбоёб, что не мог подождать 2 минуты?», были адресованы водителю А., то оно содержит отрицательную оценку его личности, выраженную в неприличной форме, входит в состав речевого акта оскорбления; 2) Если слово *долбоёб* не входит в состав вопросительной фразы-упрека «Что, не мог подождать 2 минуты?», если оскорбительная оценка личности, выраженная этим словом, нейтрализуется обстоятельствами его произнесения, свидетельствующими об отсутствии коммуникативного намерения причинить психологический ущерб, то высказывание «Что, не мог подождать 2 минуты? ... Долбоёб» не может быть интерпретировано как оскорбление.

3.7. Пределы компетенции лингвиста-эксперта по делам об оскорблении

В компетенцию лингвиста входит:

- 1) установление отнесенности спорного высказывания / текста к конкретному лицу;
- 2) установление отсутствия / наличия речевого акта оскорбления;
- 3) установление формы передачи информации – приличная \ неприличная.

В компетенцию лингвиста не входит:

- 1) юридическая квалификация материала;
- 2) определение возможного психологического состояния инвектума.

В лингвистической экспертизе не допускаются выводы о том, что X намеренно (умышленно) оскорбил Y, так как квалификация умысла (прямого или косвенного) является юридической квалификацией. Не допускаются также выводы об оправданности / неоправданности речевого поведения инвектора.

Типовые вопросы эксперту-лингвисту (специалисту-лингвисту) по делам об оскорблении:

Выделяются следующие три группы вопросов.

1. Первая группа вопросов направлена на установление факта отнесенности (= адресованности) спорного высказывания конкретному лицу. Данное задание формулируется, как правило, в следующих вопросах:

А) Содержит ли текст информацию о конкретном лице (X-е)?

Б) Можно ли по имеющимся в тексте различным номинациям установить, что речь идет о конкретном лице (X-е)?

В) Относится ли фраза к конкретному лицу, X-у (= адресована ли фраза конкретному лицу, X-у)?

2. Вторая группа вопросов связана с установлением наличия / отсутствия речевого акта оскорбления. Сюда входят следующие вопросы:

А) Оскорбительна ли фраза X?

Б) Является ли высказывание оскорбляющим честь и достоинство лица, к которому оно обращено?

В) Представляют ли собой (является ли) высказывания оскорблением?

Ответ на вопрос А может предполагать его двойное понимание: а) как определение психического состояния инвектума (обидно / необидно) и б) как выяснение наличия / отсутствия речевого акта оскорбления. В свете экспертной задачи под этим вопросом необходимо понимать квалификацию спорного высказывания / текста с точки зрения наличия / отсутствия

в нем речевого акта оскорбления.

3. Третья группа вопросов связана с установлением наличия / отсутствия неприличной формы в спорном высказывании (тексте).

А) Имеется ли в тексте негативная оценка личности, выраженная в неприличной форме, противоречащей правилам речевого поведения, принятым в обществе?

Б) Имеется ли в тексте негативная (бранная, неприличная) лексика?

В) В какой форме, приличной или неприличной, было высказано суждение в адрес конкретного лица (X)?

Г) Носит ли высказывание неприличный характер?

При ответе на вопрос о форме выражения коммуникативного намерения необходимо учитывать, что в русском языке очевидно неприличными являются: а) обценные (матерные) слова и выражения; б) непристойные слова и выражения (см. об этом выше)⁵¹.

⁵¹ Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2009. С. 236-237.

Раздел 2. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И ПРАВА

Клевета как концепт и как категория юрислингвистики¹

В.С. Ли, доктор филологических наук,
проф. КазНУ им. аль-Фараби

Сравнительно недавно сформировавшаяся как самостоятельная отрасль гуманитарного знания юрислингвистика (в европейской научной практике чаще эта наука именуется правовой лингвистикой) демонстрирует общую тенденцию к интеграции научных дисциплин и приоритет прикладных задач, решаемых современной наукой, в том числе и лингвистикой. Именно преимущественно прикладные задачи решает юрислингвистика, прежде всего такие, которые связаны с речевыми конфликтами, т.е. с использованием языка. Необходимо помнить тезис выдающегося мыслителя 20-го века Мартина Хайдеггера «Язык есть дом Бытия». И жизнь этого дома регулируется именно законами языка, которые во многом определяют законы морали и законы права. Понятно, правовое решение речевых конфликтов невозможно без лингвистического обеспечения, что наиболее явно проявляется в лингвистической экспертизе спорного текста (см. об этом [1], [3] и др. работы).

Одно из главных правил проведения лингвистической экспертизы – оставаться в рамках компетенции специалиста-лингвиста и не решать сугубо юридические задачи. Так, при экспертизе конфликтного текста перед лингвистом часто ставится вопрос об оскорбительной направленности, например, газетной публикации. Однако при этом одновременно ставится вопрос и о клеветническом характере публикации. Обычно лингвист-эксперт отвечает, что этот вопрос сугубо правовой и на него должны отвечать судебные органы. Тем не менее, нередки случаи, когда собственно лингвистический анализ текста позволяет определить, считать публикацию клеветой или нет. В одной из казахстанских газет была опубликована статья, написанная на материале интервью, взятого журналистом у независимого юриста Р.Г. Гайнуллина, против которого после появления

¹ В статье использован материал из работы автора «Теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика: от противопоставления к взаимообогащению», опубликованной в издании: *Ways of solving crisis phenomena in pedagogics, psychology and linguistics*. – London, International Academy of Sciences and Higher Education, Great Britain. Published by IASHE, 2012.

публикации было возбуждено уголовное дело за распространение клеветы в печати (истец – предприниматель Б.А. Алтаев). Перед лингвистом был поставлен такой вопрос: «Можно ли считать, что представленная на исследование газетная публикация с интервью независимого юриста Р.Г. Гайнуллина, по своей общей направленности, по своему содержанию соответствует понятию, которое в языке обозначается словом «клевета»?». Приводим краткий вариант заключения специалиста.

Для ответа на поставленный вопрос целесообразно провести концептуальный анализ слова клевета, поскольку такой анализ в отличие от традиционного лексико-семантического позволяет установить все смысловые компоненты, которые содержит слово как выражение определенного понятия, именуемого концептом. В лингвистике представлено несколько определений термина «концепт» (от лат. *conceptus*) (см., в частности, работы [2], [6] и др.). Часто его отождествляют со словом понятие или представление. Обычно же концепт рассматривается как единица нашей когниции, т.е. как представитель всей суммы знаний о каком-либо явлении действительности. Не случайно в некоторых новейших словарях дается такое толкование слову *концепт*: «В лингвистике: исторически сложившийся целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений, относящихся к основополагающей ментальной, духовной или жизнеобразующей физической сфере бытия человека» [5, 362]. В нашем случае для ответа на поставленный вопрос необходимо определить именно тот «целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений» слова *клевета*, который следует соотнести с содержанием представленной на исследование публикации, прежде всего с содержанием интервью Р.Г. Гайнуллина.

Комплекс языковых значений, передающих наши знания о мире, которые представлены в концепте «клевета», состоит из нескольких смысловых компонентов, отражающих разные аспекты анализируемого концепта (эти смысловые компоненты в лингвистической литературе принято заключать в лапки (‘.....’)).

Для установления первого смыслового компонента необходимо определить так называемую деривационную природу слова *клевета*. Это слово относится к отглагольным именам типа *дело, работа, забота, тревога, бег*. Слово *клевета* образовано от *клеветать*. Это – глагол несовершенного вида, и его видовая семантика формирует важнейший компонент концепта «клевета». Несовершенный вид русского глагола имеет несколько значений. В нашем случае актуальным является значение, которое в видовой паре глагола проявляется в оппозиции ‘контролируемость – неконтролируемость’. При этом совершенный вид (СВ) способен обладать

семантическим компонентом ‘неконтролируемость’, в то время как несовершенный вид (НСВ) обязательно связан с компонентом ‘контролируемость’. Наглядно такое соотношение можно продемонстрировать на таких примерах: *Не урони* (СВ) – *Не роняй* (НСВ), *Не разбей* (СВ) – *Не разбивай* (НСВ), *Не упади* (СВ) – *Не падай* (НСВ) и т.п. Как можно заметить, совершенный вид в этих парах обозначает действие, происходящее в случае неконтролируемости его со стороны субъекта, поэтому можно сказать *Не разбей случайно эту тарелку; Не споткнись в темноте о порог* и т.п. Несовершенный же вид в приведенных примерах обозначает действие, зависящее от субъекта, контролируемое им. Поэтому фразы типа **Не разбивай случайно эту тарелку* воспринимаются как неправильные. Показательно, что иностранцы, плохо владеющие русским языком, и в языковом сознании которых еще не сформировалась четко видовая оппозиция русского глагола, могут сказать: **Не открой окно* вместо *Не открывай окно*. Таким образом, *клеветать*, глагол несовершенного вида, содержит в своей семантике компонент ‘контролируемость’, т.е. обозначает действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений. Именно этот семантический компонент мотивирует значение слова *клевета*, которое именуется такое действие, состояние или событие, которые контролируются субъектом, зависят от его воли, намерений и целей. Задачей лингвиста для ответа на поставленный судом вопрос является установление именно этих намерений и целей и соотнесение их с семантическим компонентом слова *клевета*. В этом слове, как и в слове *клеветать*, содержится семантический компонент ‘порочить, обесчестить’, реализующий видовое значение контролируемости. Содержится ли этот семантический компонент в представленной на исследование публикации и каковы же ее цели, намерения, прежде всего помещенного в ней интервью Р.Г. Гайнуллина? В тексте интервью эта цель передана след. образом:

При изучении обстоятельств дела и истории взаимоотношений бывших партнеров на протяжении почти пяти лет возникает вопрос – отчего независимый юрист буквально сел «на хвост» предпринимателей? Он ведь и по сей день бьет во все колокола, пытаясь привлечь внимание финансовой полиции, органов внутренних дел и прокуратуры, комитета национальной безопасности, агентства РК по борьбе с коррупцией.

Как можно заметить, цель Р.Г. Гайнуллина – борьба с коррупцией и теневым бизнесом, а не желание опорочить и обесчестить кого-либо, т.е. нельзя считать, что у Р.Г. Гайнуллина, когда он давал журналисту интервью, было намерение оклеветать кого-либо, распространить через газету клевету. Таким образом, первый смысловой компонент концепта *клевета* ‘опорочить, обесчестить’ отсутствует в исследуемом тексте. Цель публи-

кации – привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к коррупции в теневом бизнесе.

Второй семантический компонент концепта «клевета» – ‘надуманность, ложность’. Этот семантический компонент обычно используется при толковании слова *клевета*: «Ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов» [4. Т. II, 56]. Для решения правовых вопросов и вопросов, связанных с коммуникативными (речевыми) конфликтами, важно не только проверить сообщаемую информацию на соответствие ее действительности, но и определить источник такой информации. Понятно, что первая часть этой задачи (соответствие информации действительности) не является предметом лингвистического исследования, но источник информации может быть установлен. Для этого необходимо провести семантический анализ текста с использованием понятия авторизации. С помощью этой категории излагаемая в тексте информация квалифицируется в отношении источника и способа ее получения. Другими словами, говорящий (пишущий) обязан, сообщая информацию, во-первых, квалифицировать ее как свою или чужую, во-вторых, квалифицировать информацию по способу ее получения. В представленном на исследование материале в качестве средства выражения категории авторизации выступают ссылки на источник полученной информации:

Ко мне подходили родители, чьи дети были замешаны в «кладбищенском скандале», называя прямо организаторов сбора металлолома с могил. Вот когда я впервые услышал об Алтаеве как о главе группировки.

Этот и другие фрагменты из интервью Р.Г. Гайнуллина свидетельствуют о том, что сообщаемая им информация не является его выдумкой, а взята из указанных им источников. Таким образом, анализ содержания публикации с интервью Р.Г. Гайнуллина свидетельствует о том, что сведения о Б.А. Алтаеве не являются какой-то выдумкой Р.Г. Гайнуллина.

Третий обязательный семантический компонент концепта «клевета» – ‘негативная информация о ком-либо или о чем-либо’. В данном случае критерий достоверности или ложности сведений не учитывается, а только признак наличия отрицательной информации, поскольку даже ложные сведения о ком-либо, положительно характеризующие его, не относятся к клевете. Ср., комплименты, дифирамбы, восхваления, панегирики и т.п.

В исследуемом тексте присутствует негативная информация о Б.А. Алтаеве, а именно:

В прошлом Б.А. Алтаев возглавлял группировку, которая занималась хищением цветных металлов с городских кладбищ; заведомо ложные показания, фальсификация доказательств, мошенничество в крупном разме-

ре, нарушение правил бухгалтерского учета, уклонение от уплаты налогов, распространение наркотиков и порнографии.

Четвертый семантический компонент концепта «клевета» – ‘предосудительность’ – отражает так наз. деонтологический аспект рассматриваемого явления, в нашем случае – соответствие или несоответствие поступка этическим нормам поведения человека. Клевета, распространение клеветы в любом социуме рассматривается как нарушение общепринятых норм морали и поэтому считается предосудительным поступком, осуждаемым людьми. В исследуемом тексте не обнаружено ни одного случая указания на аморальность поступков Р.Г. Гайнуллина, на предосудительность его действий. Более того, следует признать, что Р.Г. Гайнуллин, активно выступая против нарушений законов, норм поведения и т.п., находит поддержку и одобрение со стороны других людей, которые обращаются к нему за помощью:

Зная о том, что я «воюю» с Алтаевым, ко мне обращались и другие люди с просьбой пресечь этот беспредел в их районе. В основном, это женщины-пенсионерки, выступать открыто им мешает страх перед ним.

Таким образом, в представленной на исследование публикации отсутствует семантический компонент ‘предосудительность’, поэтому действия Р.Г. Гайнуллина, нельзя считать аморальными.

Проведенный концептуальный анализ слова *клевета*, позволяющий установить все его семантические компоненты, и сопоставление этих компонентов с содержанием публикации свидетельствуют о том, что только один семантический компонент (‘негативная информация’) присутствует в тексте. Три компонента (‘желание опорочить’, ‘надуманность’, ‘предосудительность’) отсутствуют в представленном на исследование материале. Между тем, совершенно очевидно, что для того, чтобы считать ту или иную публикацию клеветой, необходимо наличие в ней всех семантических компонентов, поскольку концепт (в нашем случае концепт клевета) – это «целостный, понятийно нерасторжимый комплекс языковых значений». Таким образом, считать представленную на исследование публикацию с интервью Р.Г. Гайнуллина клеветой нет лингвистических оснований.

Приведенное лингвистическое исследование газетной публикации, основанное на концептуальном анализе слова *клевета*, решает прежде всего сугобо прикладные задачи, и вывод об отсутствии каких-либо собственно лингвистических оснований для признания журналистского материала клеветой отвечает на конкретно поставленный юридический вопрос. Тем не менее, такие экспертизы текста представляют не меньший интерес и для теоретической лингвистики, поскольку анализируемый в них языковой материал позволяет увидеть новые аспекты той или иной лингвисти-

ческой проблемы и вместе с тем проверить состоятельность определенной научной концепции и соответствующего научно-исследовательского аппарата.

Литература

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Вежбицкая Анна. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
3. Лингвистическая экспертиза спорного текста / Отв. ред. Г.Х. Аженова. – Алматы: «Әділ сөз», 2009.
4. Словарь русского языка. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1984.
5. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
6. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2009.

Размышления по поводу реплики «казахпайский вариант»²

Карымсакова Р.Д., кандидат филол. наук,
доцент кафедры русского языка Казахского
национального университета им. Аль-Фараби

В 2005 году ко мне, как к лингвисту, через Международный фонд защиты свободы слова «Адил соз» обратился один известный адвокат, член Алматинской городской коллегии адвокатов, юрист с большим стажем работы в прокуратуре и адвокатуре. Он предоставил обширный Меморандум реплик судей и ряд других материалов. Перед специалистами (лингвистом и психологом) была поставлена задача: исследовать текст Меморандума и ответить на вопросы: Каковы лингвостилистические особенности судебных реплик? Выражают ли выражения, приведенные в Меморандуме, унижительные характеристики, отрицательные эмоциональные оценки, негативные установки в отношении адвокатов и иных лиц – участников судебных заседаний? Какова психологическая оценка использования реплик судей, приведенных в Меморандуме?

Как вы уже поняли, в зале судебных заседаний имел место конфликт. Что, собственно, понимается под конфликтом? Существует несколько определений понятия конфликта; приведем одно: **Конфликт** – резкое обострение противоречий (конфликтная ситуация) и столкновение (инцидент) двух или более участников (субъектов) в процессе разрешения проблемы (объект), имеющий деловую или личную значимость для каждой из сторон (1; 48).

Современная наука трактует понятие конфликта как динамический тип социальных взаимоотношений, которые проистекают из возможных или реальных столкновений субъектов конфликта. Причем столкновения неизбежны в силу того, что у участников конфликта различные предпочтения, интересы, ценностные ориентации. Этот тип отношений постоянно присутствует в среде (в явном или неявном виде, в «дремлющем» состоянии) и не поддается устранению. Значительное место в конфликтологии уделяется изучению поведения сторон конфликта. К возникновению конфликтной ситуации и к ее перерастанию в реальный конфликт приводят, в частности, конфликтогены. **Конфликтогены** – действия одной или нескольких сторон взаимодействия, в том числе *слова, жесты, оценки, суждения*, способные привести к возникновению конфликтной ситуации и к

² Карымсакова Р.Д. Размышления по поводу реплики «казахпайский вариант» // Русский язык в центральноазиатском регионе государств-участников СНГ: Международный форум. – Бишкек: КРСУ, 2007. – 267 с. С. 73-77.

ее трансформации в реальное конфликтное поведение. Бездействие также может быть конфликтогенным. Как видим, средством создания конфликта может быть речь с сопутствующим ей комплексом факторов (контекстность, ситуативность, обусловленность и вариативность), и тогда мы будем наблюдать речевой конфликт. В зависимости от результативности коммуникативного акта выделяют ряд понятий, связанных с понятием конфликта: *коммуникативный сбой* (Е.В.Падучева), *коммуникативный дефект* (Н.Л.Шубина), *коммуникативный провал* (Т.В.Шмелева, В.В.Красных), *коммуникативная неудача*. Традиционно под коммуникативной неудачей понимается полное или частичное непонимание высказывания участником коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего. Согласно концепции О.П.Ермаковой и Е.А.Земской, к коммуникативной неудаче относятся и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» (2; 31), в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание партнеров коммуникации. Таким образом, понятие коммуникативной неудачи включает любое непонимание участниками коммуникации друг друга и любой нежелательный эмоциональный эффект. Коммуникативная неудача может быть снята в процессе коммуникации с помощью переспросов, уточнений, пояснений, наводящих вопросов, переформулирования, в результате чего может быть осуществлено коммуникативное намерение говорящего. Следовательно, не всякая коммуникативная неудача является коммуникативным (речевым) конфликтом. Конфликт подразумевает столкновение противоположных, несовпадающих интересов, взглядов, мнений, коммуникативных намерений, выявляемых в ситуации общения. Речевой конфликт, по утверждению Третьяковой В.С., имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться в форме упрека, замечания, возражения, обвинения, угрозы, оскорбления и т.п. Речевые действия субъекта определяют речевое поведение адресата: он, осознавая, что указанные речевые действия направлены против его интересов, предпринимает ответные речевые действия против своего собеседника, выражая отношение к предмету разногласия или собеседнику. Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт. При речевом конфликте общение строится не на основе принципа сотрудничества, а на основе противоборства (2; 221-222).

В исследованном нами Меморандуме реплик и Меморандуме заявленных адвокатами ходатайств (они позволяют в определенной мере проследить речевое поведение сторон) мы выделили 20 реплик-высказываний, которые были отнесены к проявлениям речевой агрессии. Под речевой

(вербальной) агрессией понимается обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, грубой, неприемлемой в рассмотренных речевых ситуациях форме. Речевая агрессия возникает под влиянием различных побуждений и приобретает разные способы выражения. С одной стороны, вербальная агрессия служит выражением отрицательных эмоций и чувств, основной функцией которых является психологическая разрядка, снятие нервного напряжения, избавление от негативных эмоций. С другой стороны, речевая агрессия может возникать и как особое намерение – целенаправленное желание субъекта речи нанести коммуникативный урон адресату (унизить, оскорбить, высмеять и т.п.) или реализовать таким «запрещенным» способом какие-то свои потребности (самоутверждения, самозащиты, самореализации и др.). Основными жанрами речевой агрессии являются оскорбление, угроза, грубое требование, грубый отказ, враждебное замечание, враждебный намек, насмешка. Все эти жанры были представлены в рассмотренных репликах. Наибольшую сложность в толковании этих реплик, в оценке их использования мы испытывали при анализе реплики судьи: *Делайте и ставьте вопросы правильно, это что за казахпайский вариант!*

Материала по анализу выражения *казахпайский вариант* мы не отыскали. Несомненно, что это этнический стереотип; в нем отражается менталитет казахского народа (но довольно своеобразным способом). Что понимается под менталитетом? Словом *менталитет* объясняют то, что в культуре и истории других народов кажется странным и непонятым. Ментальность проявляется в повседневности, полуавтоматическом поведении человека, оценках, манере мыслить и говорить. «Мысль о ментальности возникает только при встрече с чем-то не похожим на нас самих, а потому менталитет может быть «тестирован» только извне. Очевидно, что вопрос «Каков ваш менталитет?» лишен смысла, поскольку своим носителем менталитет не может быть отрефлексирован и сформулирован» (3; 45). Соглашаясь с мнением ученого, что менталитет может выявляться при сравнении (*при встрече с чем-то непохожим*), мы не можем согласиться с тем, что носитель не может сформулировать свой менталитет. Употребление выражения *казахпайский вариант* показывает, что здесь имеют место сравнение и рефлексия, которые дают интересный результат: путем сравнения в нем отражены особенности казахского менталитета, особенности эти определены самими носителями и особенности эти отражают не самые лучшие качества этноса.

Поскольку аналитический материал по этому выражению отсутствовал, нами был проведен психолингвистический эксперимент (ассоциативный и письменный опрос) 100 студентов бакалавриата и 25 магистрантов.

Перед информантами были поставлены два вопроса: 1) В каких ситуациях вы встречались с употреблением этого выражения (предлагалось уточнить: в официальной/неофициальной обстановке; цель использования; кто употреблял и т.д.)?; 2) Какое значение в каждой конкретной ситуации это словосочетание выражало? Анализ полученного материала показал следующее.

Выражение используют в основном казахи; оно обозначает то, что свойственно только казахам. Используется в разговорной речи (несомненно, что это разговорное выражение).

Выражение *казахпайский вариант* многозначно, ситуативно обусловлено.

Ситуация 1 связана с отношением (в основном молодых казахов/казашек) к народным обычаям, традициям, обрядам и др. Например:

- 1) реакция человека на оформление зала, где проходит свадьба;
- 2) когда девушка отвергла предлагаемое замужество, т.к. в семье будущего жениха соблюдался «жесткий» патриархат;
- 3) когда жених девушку крадет;
- 4) когда родители молодых людей сами решают их поженить;
- 5) подруга выходила замуж и пришла пригласить нашу семью на свадьбу. Мама спросила: Тебя засватали, подарили сережки? Мать, наверное, столько накупила подарков для новых родственников? – Зачем? Сережки, лишние затраты... Пора прекращать казахпайский вариант. У нас все по-современному, меньше формальностей;
- 6) когда на свадьбах или каких-либо празднествах подолгу говорят тосты или когда на застольях и свадьбах дают всем подряд тосты;
- 7) любят пить чай без конца; в гостях любят пить чай с вечера до утра и мн. др.;
- 8) когда полон дом незваных гостей;
- 9) когда сделали что-то по-простому; например: гостей надо было встретить и застолье организовать по-европейски. Пришли в гости, а там просто накрыли стол, бешбармак, по-национальному накрыт; в таких случаях говорят: казахпайский вариант;
- 10) когда покупаю вещи и эти вещи мне не идут, сестра меня ругает и говорит: казахпайский вариант (т.е. при отсутствии вкуса).

Ситуация 2 связана с особенностями поведения народа:

- 1) когда казахи опаздывают (в гости, на свадьбу, на другие мероприятия, в т.ч. и официальные); эту особенность отметило большинство информантов;
- 2) когда человек много говорит и говорит и ничего не делает, тогда люди говорят: «Прекращай свой казахпайский вариант»;

3) грубое поведение;

4) невыполнение обязательств;

5) оценка, когда хотят подчеркнуть свое превосходство, пренебрежительное отношение к кому-то или к ситуации; тогда говорящий может использовать это выражение;

6) когда человек одет несовременно и т. д.

Ситуация 3 отражает качество выполнения людьми различных действий:

1) когда человек делает ремонт машины (например, ему нужно отчистить, прошкурить какую-нибудь деталь), ремонт обуви и т.д., а он это делает грубо и некачественно или вообще оставит так, как было;

2) слышала много раз от своей учительницы по труду. Потому что у нас в классе некоторые девчонки вязали некрасиво, были неряхами и т.д.;

3) надо сварить трубу, а он ее связал проволокой;

4) когда человек делает ошибки в речи, в особенности – устной;

5) когда человек вообще делает что-либо грубо, неаккуратно, некачественно и т.д. («делать как попало», «не доделать», «как русское авось», «тяп-ляп» и т.д.). Таким действиям два информанта дали интересные речевые характеристики: когда мы говорим: *«Пойдет/сойдет (бола береди)»* и др.;

6) вообще несерьезное отношение к делу;

7) когда что-либо совершается не в установленном (или должном) порядке. Одно пояснение магистранта-юриста: *Я слышал это выражение во время оперативного совещания на работе. Когда прокурор района через своего знакомого в акимате получил компьютеры для работы. Вот тогда он сказал, что руководство, т.е. прокуратура области не заботится о рабочих условиях, вот и приходится поступать по-казахпайски.*

Выражение «казахпайский вариант», на наш взгляд, представляет собой этнический/этнокультурный стереотип (по В.А.Масловой, этнокультурный стереотип – обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ). В этнических стереотипах, как правило, фиксируются оценочные мнения об этих чертах. Как известно, этнические стереотипы принято подразделять на авгостереотипы и гетеростереотипы. Первые отражают мнения, суждения, оценки людей, относимые как представителями данного этноса к самим себе. Как правило, комплекс этих оценок имеет положительный характер о себе (отрицательные авгостереотипы – редкое явление). Гетеростереотипы – оценочные суждения о других народах; они могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных на-

родов. Бытует точка зрения, что гетеростереотипы более критичны, чем автостереотипы.

В содержании этнокультурных стереотипов следует различать относительно устойчивое ядро – комплекс представлений о внешнем облике представителей данного народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни и трудовых навыках – и ряд изменчивых суждений относительно коммуникативных и моральных качеств данного народа. Изменчивость оценок этих качеств тесно связана с меняющейся ситуацией в межнациональных и межгосударственных отношениях. Адекватность содержания этнокультурных стереотипов действительности весьма проблематична (4; 175).

Эта проблема проявляется в употреблении этнокультурного стереотипа *казахпайский вариант*. Он относится к периферии этнокультурных стереотипов и содержит ряд изменчивых, в основном негативных суждений о казахском народе; относится к автостереотипам: в нем отражены понятия народа (или части народа) о себе, но это отражение носит опосредованный, через сравнение, характер. Оценка типичных черт народа дана в нем в иронической тональности (что проявилось, на наш взгляд, через вторую корневую морфему *бай* в сложном прилагательном *казахпайский*). Основанием стереотипа послужило сравнение, о чем сказал один информант в своем ответе на казахском языке, который приведен полностью:

Жаргон деп қабылдаймын (выражение не жаргонное; его употребляют представители разных социальных групп. – Р.К.). *Намысқа тиетін әсері шамалы. Ауызекі тілде былай деп айтылып жатады: «Сен таза еврейсің ғой, басың істей кетті-ей!»; «Неміс сияқты тірлікті тап-таза істейсің ғой», «Осы қазақпайский әдетіңді қойшы», «Қазақпайша істей салма».*

Выявление общего смысла ситуативно обусловленных употреблений этого выражения показало, что оно стало своего рода универсальной эмоционально-экспрессивной характеристикой невысокого качества предмета, явления, действия (в том числе и речевого).

Возвратимся к Меморандуму судебных реплик, среди которых было и рассмотренное выражение. Как форма проявления речевой агрессии в контексте всех судебных заседаний, где употреблялись эти реплики, высказывание с этой этнолексемой было определено как *враждебное замечание*. Как показал анализ всех представленных материалов, в том числе и протокола судебного заседания, деформации дискурса при его употреблении не происходило, коммуникативных неудач, которые привели бы к полному или частичному непониманию высказываний сторонами, не наблюдалось. По поводу его использования мы указали, что его употребление уместно в бытовой, неофициальной обстановке, в общении хорошо или близко

знакомых людей. Употребление судьей этого выражения в официальной обстановке судебного заседания при официальном характере взаимоотношений сторон нарушает такие стилевые черты официально-деловой речи, как объективность и беспристрастность. Это выражение в дискурсе судебного процесса в совокупности с другими репликами выступило в качестве конфликтогена, приведшее к возникновению конфликтной ситуации. Совершенно справедливо пишет Е.А.Матвиенко по этому поводу: «Конечно, суд учреждение строгое, и здесь не место изысканной любезности и особой предупредительности. Но суд – учреждение государственное, и вся его деятельность должна осуществляться в обстановке строгой, официальной вежливости» (5; 7).

Литература:

1. А.В. Мощенко. Курс: конфликтология. М., 2000.
2. В.С.Третьякова. Конфликт как феномен языка и речи // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. М., 222.
3. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М., 2004.
4. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. – М., 2003.
5. Матвиенко Е.А. Судебная речь. Минск, 1967.

Конфликтогенность национальных прозвищ³

Р.Д. Карымсакова, кандидат филологических наук,
КазНУ им. аль-Фараби, г.Алматы

Оценка лица может выражаться экспрессивными этнонимами (национальными прозвищами), в семантической структуре которых совмещаются денотативное значение, выраженноеемой «народ, представитель народа» и эмотивно-оценочный компонент, передающий отношение говорящего к обозначаемому. Эти этнонимы не являются самоназваниями народов и выступают в качестве синонимов нейтральных этнонимов (например: *кацап, москаль, Иван, бурла* «русский»; *фриц, ганс, колбасник* «немец», *галл, лягушатник* «француз», *янки, америкос* «американец», *чурка, чучмек, чурек* «выходец (житель) из Средней Азии», *армяшка, хач, ара* «армянин», *жид* «еврей» и др.). Часть экспрессивных этнонимов имеет пренебрежительную коннотацию, направленную на осуждение, уничтожение, выражающую презрение к этносу или к какой-либо его части. Для обозначения таких этнонимов в западной литературе используется термин этнофолизм (от греч. «народ, племя» и «дурной, ничтожный»). При этом не все этнофолизы обладают только лишь пренебрежительной коннотацией; так, по мнению Грищенко А.И., Николиной Н.А., в слове *хохол* «украинец, малоросс» сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно уничижительного до ироничного и ласково-добрососедского» [1, 177].

Существование до людей различных национальностей неизбежно вызывает появление формальных и неформальных знаков, отличающих и выделяющих их представителей. И подобное наблюдается во всех языках.

Как негативная оценочная номинация, этнофолизы могут создавать образ чужого в оппозиции «свой – чужой». Как установлено, эта оппозиция имеет универсальный характер и является неотъемлемой составляющей онтологических представлений о бинарной структуре мира. В частности, для этнической картины мира категория «свой – чужой» является ядерной. Маркерами отношения к «чужим» может служить описание внешних черт, поведения, среды обитания, особенностей характера инного социума и т.д. Как показал анализ, денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые определенными этнофолизмами (например, «иной национальности» *азеры, хачики, чукчи*; «с иной внешностью и характерологическими чертами»

³ Карымсакова Р.Д. Конфликтогенность национальных прозвищ // Динамика лит. процесса и акт. проблемы соврем. филолог. образования. – Алматы, 2010. 144-149.

черный, черножопый, узкоглазый, узкоплечный; «с низким интеллектом и уровнем культуры» чурбаны, чурки, чучмеки, чуреки) [6, 93]. Например: 29.03.2010 10:45 (ссылка) <http://news.mail.ru/incident/3577349>

Космонавт № 0

Ре:Назавтра назначецо день братания с чурбанами и муслимами, всем целовать черножопых и узкоплечных... Угодившим разрешат прожывать в нерезиновой нелегально, прям в Крымле.. Поднять их на руки... и носить! Носить по Садовому кольцу во все стороны с пестней « О эти черные глаза

Основная эмоция в восприятии «чужого» – отторжение, неприятие. Если провести шкалирование эмоций по параметру «отношение представителя одной национальности к представителю другой национальности», мы увидим, что эмоциональные состояния говорящих могут быть разной интенсивности и содержания. Так, на шкале эмоций в ее отрицательном диапазоне эмоции могут располагаться по следующей степени нарастания, усиления отрицательного содержания (неодобрение, неприязнь, пренебрежение, презрение, ненависть, вражда), которое в целом адресатом может быть воспринято как уничижительно-оскорбительное отношение.

В современном русском языке экспрессивные этнонимы образуют обширную по составу группу, единицы которой различаются по способу образования, степени экспрессивности и характеру выражаемой оценки [2, 181-187]. Среди них для автора статьи особый интерес имеют названия *мамбет* (производные – *мамбетство, мамбетизм, мамбетский*) и *калбит*.

Этнофолизм *мамбет* образован на базе казахского собственного имени Мамбет, распространенного в XIX и в начале XX века на территории Центральной Азии; этимологически мотивировано именем пророка (от арабского Мухаммад) и представляет собой один из его фонетических вариантов, возникшего в результате процессов ассимиляции, диссимиляции и диэрезы: Мухаммад-Мухамбет- Мухамет-Махамбет-Мамбет. Однако в языковом сознании современного носителя казахского языка и казахско-русских билингвов, за редким исключением, имя Мамбет не ассоциируется с именем пророка. Нейтральное в казахоязычной среде, это слово является основой и для ряда стилистически нейтральных в казахском языке производных имен (Абулмамбет, Мамбеткали, Мамбетали, Мамбетжан).

Слово *мамбет* возникло в городской среде в 60-е годы, обозначая тогда казахов, приехавших из аулов в город и не знавших русского языка. Подобные пренебрежительные обозначения сельских жителей имеются в различных языках. Так, американцы английским словом «redneck» (букв.

«красношей») называют сельских обитателей (фермеров), деревенщину. В Узбекистане приезжих из областей жителей называют *харытами*, в Кыргызстане – *мырками*. Слово мамбет, первоначально обозначавшее лишь сельчан, с течением времени приобрело новые оценочные значения.

Приведем несколько интерпретаций этого слова из Интернета: <http://zonakz.net/articles/5697>):

– «Если аульный приезжает в город и живет по городским правилам, то он не мамбет. А если он приехал в город, но не хочет жить по его правилам, а живет по своим, аульным, то он мамбет»;

– Я, например, считаю что мамбетизм не определяется местом прож ивания или происхождения, не определяется образованием. На мой взгляд, мамбетизм – состояние души человека, при котором он не отличается качествами интеллигентного человека. Ему не присущи такие черты как уважение к традициям других народов, тактичность, терпимость, самообразование. Отличительные черты – это чванство, самодовольство, бескультурье, незнание собственной культуры и где-то даже пошлость. Сам термин, конечно, возник в городской среде. Просто он со временем трансформировался в сознании городской молодежи и стал обозначать одним словом аульную молодежь, которая не может грамотно говорить по-русски, модно и со вкусом одеваться, не располагает средствами;

Приведем примеры использования этих слов в текстах СМИ.

1. «Многие из них (казахов. – Р.К.) по-прежнему пренебрегают родным языком. Называют его **«мамбетским»**. Но если казахский язык не нужен самим казахам, тогда зачем он нужен другим? Сегодня «языковой политики много», а вот «языкового воспитания» нет» (Берик Абдыгалиев «Желание говорить», Время, 26.2.2009).

2. *О какой демократии мы можем говорить? Если мы все будем опять отдавать акимам, которым давали задание набрать за партию власти не менее 85%, а в ответ они говорили – «я что, от своего имени 5% не смогу добавить». И это соревнование пошло по всем областям. Это отвратительно! Стыдно! **Мамбетство** сплошное! Лизоблюдство сплошное! Пусть кто-нибудь скажет, что не был задействован административный ресурс, я ему просто плюну в лицо. У нас Конституция изнасилована, у нас выборные законы изнасилованы! Все сплошь фальшь и игра, давайте честно в этом признаемся. Почему у нас оппозиция – это или преступники, или мерзавцы? Потому что для нас демократия – миф» (А.Джаганова, СС, 22.01.09).*

3. «Знаю: скажут чиновники во власти, что я живу в прошлом, что у меня философия **мамбета**, что тоскую по тому, к чему нет возврата,

что надо, мол, во имя светлого будущего казахов переселить в города, что, дескать, вполне достаточно, если в аулах останется 25% населения, что надо ломать стереотип, надо строить современные агрогорода, а землю, как товар, следует продавать, отдавать в руки доморожденных латифундистов с неказахскими фамилиями...» (Г.Бельгер. Плетень чепухи. Тасжарган, №31, 3 сентября 08).

4. «Мамбетизм простых людей – это агрессивное неприятие всего чужого и слепое почитание своего. Традиции и ритуалы порой навязываются именно с агрессией. Пару раз попал в такие ситуации, когда подавался бесбармак, а к нему не подавались вилки. «Мы, казахи, бесбармак едим руками!» – со скрытым садизмом сообщалось растерянным городским казахам».

«– Я считаю, что проявление мамбетства – издавать книжки о своем роде, преувеличивать в них значение в истории собственных предков, приукрашивать события, наделять своих родственников несуществующими героическими качествами, талантами, расписывать подвиги, которых не было.

Мамбетизмом считаю чванство, бахвальство, нескромность. Один чиновник дарит дочке куклу в платье, расшитом бриллиантами, – вот это мамбетизм. Другой собирает важных гостей на свадьбе сына и поет им подхалимские дифирамбы, приписывая качества, которых и в помине нет. Каждому гостю дает такую оценку, будто тот является ключевой фигурой в истории государства. Гипертрофия собственной значимости и значимости своего окружения и преуменьшение значения других, не близких тебе людей – еще одна черта мамбета» (Алия Мамбетова «Мамбеты. Кого мы так называем?», «МК в Казахстане», №3, 22-28 января, 2004).

5. – Что такое мамбетизм?

– Необразованность, местечковость, отсутствие кругозора. В каждой стране есть свои мамбеты – и в России, и в Германии. Мамбеты всех стран своими якобы патриотическими рассуждениями провоцируют национализм и застой в экономике. Заболеть национализмом очень легко, чтобы увидеть, к чему это приводит, – посмотрите на последние события в России. («Время», 27.1.2011; Ксения Евдокименко «Алма Менлибаева: У нас свободную женщину называют сукой»).

Как видим, в основном этнофолизм *мамбет* выступает как оценочное обозначение определенной части представителей казахской национальности, которым свойственны негативные, с точки зрения «цивилизованного» человека, качества, что позволяет отнести его к речевым конфликтогенам, т.е. словам и выражениям, провоцирующим конфликт [3, 19].

В силу того, что данная лексема не кодифицирована (не зарегистрирована в словарях), для выяснения ее семантики и ассоциативного значения необходимо проведение рецептивного и свободного ассоциативного экспериментов. Данное слово не является нецензурным или ругательным (*ругань* – грубые, бранные слова, а также ссора, сопровождаемая такими словами) [4, 686]. *Ругательство* – грубое, бранное слово, выражение (там же). Наши исследования позволяют представить семантическую структуру слова следующим образом:

Мамбет, -а; м. 1. Разг. Презрительное название сельского казаха. < Мамбетка, -и. ж. Мамбетский, -ая, -ое. 2. Разг. Об ограниченном, невоспитанном человеке.

Крайне оскорбительным для казахов прозвищем выступает этнофолizm *калбит*. Основная версия происхождения – слово произошло от тотемического названия привилегированного южноарабского племени *калб* (калб — «собака», килаб — «собаки», кулайб — «собачка»). В связи с использованием этого этнофолизма интересен пример юриста Б.Н. Пантелева, который он привел несколько лет назад в беседе с журналистом газеты «Молодежь Татарстана» Георгием Барминым, который отмечает: «То, что некоторые слова наносят людям сильные обиды, объяснять не нужно. Недавно российское телевидение показывало сюжет о Президенте Казахстана Назарбаеве. Тот, рассказывая о своей юности, вспомнил некоторые подробности. Назарбаев начинал трудовую деятельность рабочим. И его взрослые коллеги частенько говорили ему и его товарищам, что у них все равно не получится работать нормально, поскольку они ... далее следовало оскорбительное обозначение национальности казахов. Последнее слово Назарбаев выговорил с большой горечью. Столько лет уже с тех пор прошло, а нынешний Президент никак не может забыть давней обиды» (http://politkor.narod.ru/polit-op/pressd//adil_soz.htm). Предполагаем, что было употреблено оскорбительное для казахов национальное прозвище *калбит*, выражающее этническую нетерпимость.

Негативная оценка и характеристики представителей определенной национальности, в т.ч. и казахов-выходцев из сельской местности, выраженные рассмотренными этнофолизмами, чаще всего вызывают чувство унижения, оскорбления. И в этом отношении исследование подобных этнофолизмов представляет интерес для лингвистической экспертизы, выявляющей наличие или отсутствие их оскорбительной направленности. Здесь необходимо отметить следующее: данные этнофолизмы содержат не рациональную, а эмоциональную оценку. Для слов, содержащих логическую, рациональную оценку (типа *предатель*, *дилетант*), существует некоторая дефиниция «тот, кто перешел на сторону врага, нарушил верность

кому-чему-нибудь, и называя так кого-то, мы доказываем, что этот человек действительно совершил названные поступки. Если же мы называем кого-то хачиком и чуркой, то главное вовсе не то, что обозначается словом, а выражение некоторого субъективного эмоционально-оценочного отношения к объекту, в большинстве случаев – отрицательного [5, 340]. Приведем фрагмент газетного текста, послужившего предметом судебного разбирательства.

Все упирается в казахский менталитет. Уроды! Их урыть надо – и все! У них нет будущего. Вот те казахи, которые вырвались из мамбетского, калбитского состояния – я, Кажегельдин, Косанов, Габдуллин, другие – мы все, мы вырвались, мы будем нормальными людьми, наши дети и – так далее. А вот те, которые там типа Амантая кажси, Хасен Кожа-Ахмет – уже все, так и останутся, у них нет шансов получить хорошее университетское образование, у них нет шансов пробиться в политическую сферу. У них нет шансов добиться в жизни успеха. Они так и будут всю жизнь калбитами и мамбетами. И они этого не понимают» («Мало их мочили», «Караван» от 19 мая 2000 г.).

В юридическом аспекте этнофолизмы калбит, мамбет, как и все этнофолизмы, выражая негативную оценку, не относятся к нецензурным (неприличным) словам (в терминологии уголовного права оскорбление определяется как унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме). Иначе говоря, использование этих двух слов в отношении кого-л. юридически не может быть признано оскорблением (в том числе и оскорблением национального достоинства). Дефиницию последнего понятия см. в [3, 70]. Однако если эти слова входят в состав фразы, содержащей негативную установку против представителей определенной национальности в виде прямого призыва убивать их (уничтожать их физически), то такая фраза содержит признаки разжигания национальной (или расовой) вражды. Большая часть экстремистских выступлений происходит на расовой и национальной почве. Неприязнь к другим народам отражается в первую очередь в языке — их представителям присваиваются пренебрежительные наименования, отражающие этническую нетерпимость, вражду и ненависть к другим народам.

Например:

http://admin.gorod.tomsk.ru/index1186723969.php?Comment_page_num=2

1. Братья Славяне! Надо УНИЧТОЖАТЬ этих мамбетов и калбитов! Эти твари русским кровь пьют и наживаются на РУССКИХ!

Закона в Казахстане нет! Все только на бумаге! Воруют все уже разворовали, все продали! Для них нет ни чего святого!

2. 29.03.2010 10:25 (ссылка)

<http://news.mail.ru/incident/3577349> God Is A Girl

Ненавижу этих мерзких чурок, я бы сама бы взяла пушку и пошла их сук стрелять, пох пусть в тюрьгу сажают, зато этих мразот постреляла бы

3. 29.03.2010 10:25 (ссылка)

<http://news.mail.ru/incident/3577349>

Я что-то еще про проспект Мира слышала по РСН. Не знаете, там всё нормально? вечная память погибшим, соболезнования близким! и такое перед пасхой! гнать чурок из родной Москвы вонючей метлой!!!

Галина

Литература

1. Грищенко А. И., Николина Н. А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
2. Грищенко А. И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 г. памяти Л. В. Николенко и Ю. П. Солодуба (МПГУ) / Гл. ред. Н. А. Николина – М. – Ярославль: Ремдер, 2007.
3. Политкорректность в СМИ Казахстана: поиск гармонии. Алматы: «Әділ сөз», 2007.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2004.
5. Н.А. Кузьмина. Дело о разжигании межнациональной розни (экспертиза сайта РНЕ – РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА) / Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Барнаул 2008.
6. О.С. Иссерс, М. Х. Рахимбергенова. Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) / Политическая лингвистика. – Вып. 3(23). – Екатеринбург, 2007.